

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Тамара Варданян

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

**ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕЗАВЕРШЕННОГО
ЭТНОПРОЕКТА**

*Историко-этнологический
очерк*

Москва
РУССКАЯ ПАНОРАМА
2012

Печатается по решению ученого совета Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона (Москва)

Научный редактор: Айвазян Армен, кандидат исторических наук, доктор политических наук, директор Центра стратегических исследований «Ара-рат», старший научный сотрудник Института древних рукописей «Мате-надаран» им. Месропа Маштоца

Рецензенты: Артур Цуциев, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Владикавказского института управления;

Раса Чепайтене, доктор гуманитарных наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Литвы

Варданян Т.Р.

В18 АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ: История одного незавершенного этно-проекта. Историко-этнологический очерк. – М.: «Русская панорама», 2012. – 88 с. – («Кавказские исследования»)

ISBN 978-5-93165-309-9

В работе проанализирована научная обоснованность ряда историко-этнологических понятий, безальтернативно используемых азербайджанскими и некоторыми зарубежными авторами. Речь идет о формулировках «азербайджанский этнос», «этнический азербайджанец», «этническая территория азербайджанцев». Обладают ли эти муссируемые понятия четкими контурами и содержанием? Насколько легитимно их использование вообще и особенно в научно-исторической литературе? Можно ли конструирование азербайджанского этноса считать уже завершенным или этот проект все еще продолжается? С целью ответа как на эти, так и на смежные вопросы исследуются основные формы самоидентификации, протоэтно-этнонимы и протоэтноэтнонимы, внешние и внутренние катализаторы процессов этнизации и первые проявления чисто этнического самосознания в среде мусульман Закавказья, а также возможные пути развития дрейфующего состояния их идентичности в среднесрочной перспективе.

Книга предназначена для историков, политологов, антропологов, востоковедов социологов, исследователей этничности и национализма, а также для широкого круга читателей.

ББК 63.5(3)

© Т.Р. Варданян, 2012

© ИПСИ ЧКР, 2012

© ИД «Русская панорама», 2012

ISBN 978-5-93165-309-9

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Владимир Захаров.</i> Предисловие издателя	4
<i>Армен Айвазян.</i> Предисловие редактора	9
Тамара Варданян. АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ: ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕЗАВЕРШЕННОГО ЭТНОПРОЕКТА	11
Введение	11
1. О ТЕОРИЯХ ЭТНОСА	14
2. ПРОТОЭТНОНИМЫ ЗАКАВКАЗСКИХ МУСУЛЬМАН в XVIII–XIX вв.	17
2.1. Протоэтноэтнонимы	17
2.2. Протоэтноэтнонимы	23
3. ДЕ-ИРАНИЗАЦИЯ И НАЧАЛО ТЮРКИЗАЦИИ	30
4. ОТ ТЮРКИЗМА К АЗЕРБАЙДЖАНИЗМУ	40
5. О КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАХ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗ- НАНИЯ	50
6. МЕЖДУ ТЮРКИЗМОМ И АЗЕРБАЙДЖАНИЗМОМ	54
Заключение	65
<i>Примечания</i>	68
<i>Библиография</i>	81

На 1 стр. обложки: Фрагмент этнографической карты, опубликованной в книге известного британского археолога, президента Королевского географического общества Д. Дж. Хогарта, см.: *Hogarth David George. The Near East.* – London, 1902 (*источник:* <http://www.ararat-heritage.org.uk/PDF/Maps.pdf>);

на 4 стр. обложки: Этнографическая карта Бакинской губернии по сведениям 1886 г. (*источник:* <http://www.disput.az/index.php?showtopic=177413>)

Предисловие издателя

Исследование процесса этногенеза – происхождение и развития того или другого народа – ученые-этнологи относят к одному из самых сложных разделов своей науки. Это обусловлено тем, что этническая история разных народов детерминирована противоречивым взаимодействием антропологических, лингвистических, исторических, хозяйственных, культурных, демографических, политических и других факторов. Проблема происхождения того или иного этноса всегда вызывала огромный интерес не только у читателей, но и у самого народа, о котором писали исследователи. Читателю предстоит прочесть интереснейший труд Тамары Варданян – известного армянского историка, аналитика, скрупулезного источниковеда, который выходит в серии «Кавказские исследования». Исследование посвящено происхождению народа, который сейчас называется азербайджанцами. Этот этноним появился совсем недавно, ему нет еще и ста лет, но в Азербайджане делают вид, что это древнейшее название и народа и территории, на которой он проживал. Мы все живем в непростое время, на котором лежит печать крушения мировых идейных и нравственных ценностей, передела мира, обмана целых народов, воспитания новых поколений на никогда не существовавших исторических фактах.

Процесс этногенеза приобрел в государствах и республиках всего Кавказа острейший политический характер. Вот уже более двадцати лет ситуация в государствах Закавказья, или как недавно их стали называть – Южным Кавказом, характеризуется высоким уровнем напряженности. Причины этой сложной обстановки лежат не только в низком уровне доходов населения и бедственном состоянии социальной сферы, но и в нерешенности целого ряда межнациональных противоречий, обострившихся в конце 80-х годов прошлого века. На текущий момент положение в этом регионе по-прежнему можно определить как хрупкое равновесие, сопровождающееся активной милитаризацией и высокой конфликтностью населения. В течение предшествующего периода в регионе произошла политизация этничности (проходившая вначале в латентной, а затем – в открытой форме) и отчасти конфессиональности.

Поддержанию высокого уровня конфликтности в Закавказье способствует и то, что все государства в регионе, в современном их виде, представляют собой по большей части мононациональные образования. После прошедших в конце XX века в регионе военных действий значительная часть представителей этнических меньшинств была вынуждена эмигрировать в сопредельные страны или места компактного проживания своих этносов. Этот процесс не останавливается до сих пор и уже привел к четкому образованию автономных моноэтнических общностей в регионе, которые на подконтрольной территории стали заирать в свои руки власть различного уровня – от верховной, до местной.

За прошедшее после этого размежевания время у населения региона сформировалось национальное самосознание, связанное именно с собственной «государственной» идентичностью, для которого крайне сложно допустить факт притязаний представителей других народов на собственную государственность, в том числе в форме создания на своей территории пусть даже частично автономных государственных образований, состоящих из автохтонного населения. В этой связи предложения грузинской и азербайджанской сторон по представлению осетинскому, абхазскому и армянскому меньшинству автономии в составе своих стран в ходе различных формальных и неформальных переговоров и встреч являлись хотя и первостепенным, но не решаемым вопросом. Другое дело, что вопрос о так называемом «меньшинстве» населения требует серьезного анализа и уточнения.

По какой причине лица той или иной национальности, в прошлом заселявшие этот район, оказались в меньшинстве? В какой период времени это произошло? Исторические факты неумолимо свидетельствуют, что в годы советской власти эти процессы проходили в конкретном регионе в принудительном порядке, а все разговоры о «дружбе народов» можно отнести к обычной советской идеологической демагогии. На деле она представляла собой лишь совместное многонациональное проживание на всей территории СССР лиц разных национальностей, со смешанными браками и искоренением националистических и шовинистических взглядов. Вместе с тем 1970-е годы, период «высокой стабильности», стали временем, когда формировались кадровые, социально-экономические и идейно-политические предпосылки для будущих «национальных революций».

Как отметил Сергей Маркедонов, именно 70-е годы XX столетия стали «началом пути» – и одновременно хорошей управленческой и

политической школой – для многих политических лидеров будущих независимых государств¹.

Конец XX века ознаменовался огромной геополитической катастрофой, именно так можно назвать проведенный по разработке и под контролем Запада развал СССР. Появившиеся на постсоветском пространстве новые государства тут же начали заниматься созданием собственной истории. Это и история того или иного региона, и история народа, проживающего на этой территории, выяснение его корней. В республиках стали изыскивать доказательную базу, чтобы объявить именно себя древнейшим народом на этой земле. Никого не интересовало, насколько правдоподобны подобные утверждения, существует ли достоверная историческая база для подобных скоропалительных утверждений. Руководители целого ряда государств отдали приказ искать «своих» древних прародителей. И ничтоже сумняшеся ученые этих стран бросились воплощать в жизнь эти идеи. Правда, можно ли этих лиц называть после этого учеными, несмотря на степени и звания, которые они получили у себя в республике?

На Кавказе образцом такой лихой безнравственной истории являются книги, выходящие в Азербайджанской Республике. Называть их «исследованиями» – язык не поворачивается, настолько лживы и притянуты «за уши» все сведения, которые там содержатся. Да, тюрки народ не молодой, имеет свою историю, насчитывающую многие сотни лет. Но вот к Кавказу они имеют отношение только со сравнительно недавнего, для истории этого региона, времени, точнее с XI–XIII вв. До них здесь жили народы, которые и сегодня населяют этот регион, имеющие настолько древние корни в этих местах, о которых тюркам и не снились. Это, прежде всего, армяне, это осетины, это различные народы Дагестана и др.

В 80-е годы XX века развернутая по программе Запада в СССР горбачевская перестройка активизировала национальные процессы в стране. Этот период характеризовался ростом национального самосознания, обострением национального вопроса на всей территории СССР, в каждой ее республике. До этого коммунистическому режиму удавалось удерживать сферу межнациональных отношений под своим контролем. Перестройка привела в движение скрывавшиеся или затухшие националистические устремления, которые на почве свободы слова и требования установления западных «демократичес-

ких ценностей» привели к вседозволенности, к проведению открыто пропагандируемой ненависти одних национальностей против других, подъем национализма начался практически во всех союзных республиках. Процесс такого «национального возрождения» на периферии СССР вышел из-под контроля союзного руководства и обрел собственную динамику. Нарастал конфликт между национальными движениями в республиках и союзным центром, по такой же нарастающей происходили и требования в республиках. Первоначально речь шла о культурной автономии, о развитии национального языка, затем об экономической самостоятельности и лишь после этого официально выдвигалось требование выхода из состава СССР. В конечном счете начались выступления, столкновения на национальной почве, гибель ни в чем неповинного мирного местного населения.

Связывая процессы демократизации общественной жизни в СССР и «национализации» массового сознания в его союзных республиках и на этой основе политической мобилизации в них, известный испанский социолог, не раз посещавший СССР и знавший ситуацию в стране лично, Мануэль Кастельс писал: «Либерализация политики и средств массовой информации, вызванная решением Горбачева привлечь гражданское общество к поддержке своих реформ, мобилизовала общественное мнение вокруг некоторого набора тем. Регенерация исторической памяти, стимулированная осмелевшей советской прессой и телевидением, вывела на сцену общественное мнение, идеологию и ценности внезапно освобожденного общества. Выразилось все это достаточно путано, но все виды официальных истин единодушно отвергались... Однако самая мощная мобилизация и прямой вызов Советскому государству пришли со стороны националистических движений. В феврале 1988 г. резня армян азербайджанцами в Сумгаите возродила латентный конфликт в армянском анклаве Нагорный Карабах в Азербайджане, конфликт, который выродился в открытую войну и потребовал установить прямое управление территорией из Москвы. Межэтническая напряженность на Кавказе взорвалась, перейдя после десятилетий насильственного подавления и искусственной интеграции в открытую конфронтацию»².

Для обоснования своих территориальных претензий потребовались весомые аргументы. И вот тут-то в Закавказских республиках «главным оружием» стала история, а точнее – ее искажение в угоду

¹ Маркедонов С. Советский Кавказ в 1970-е годы: предчувствие гражданской войны // «Неприкосновенный запас», 2007, № 2. С. 47.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 428.

новым националистическим деяниям. Особенно ярко это проявилось уже в середине 80-х годов XX века в Грузии и Азербайджане. В первом случае главными объектами стали абхазы и осетины, а также обвинение России в захватнической политике на протяжении, ни много ни мало, нескольких последних столетий. В Азербайджане это происходило на фоне роста неприязни к лицам армянской национальности. Убийства и изгнание армян из Азербайджана, Нагорно-Карабахский военный конфликт 1988–1993 гг. и последовавшие убийства сотен мирных жителей требовали от послушных историков обоснования присутствия армян на территории, занимаемой Азербайджанской ССР, в частности в Карабахе. В Баку стали выходить одна за другой книги, в которых армянам не находилось места на Кавказе. Армян обвиняли в геноциде азербайджанцев, в агрессии и в других прегрешениях³.

За последние двадцать лет в Азербайджане и за его пределами вышло немало книг, большая часть которых посвящена, как пишут авторы: «исправлению» истории соседнего государства – Армении⁴. На самом же деле на государственном уровне создается лжеистория, поскольку один обман влечет за собой второй, третий и т. д. Уже ни для кого не секрет, что эти книги не читают в Европе никто из серьезных ученых. Их даже не упоминают в обзорах исторической литературы по кавказоведению. Но в Баку вынуждены продолжать писать все новую и новую глупость. Они считают, что за деньги покупается все, вот и находят сговорчивых авторов других национальностей, готовых за нефтедоллары услужить. Что ж каждый выбирает свой путь.

Я благодарю тех, кто взял эту книгу в руки. Перед вами прекрасная доказательная база, которой так прекрасно распорядилась автор – Тамара Варданян.

В. А. Захаров,

директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона

³ *Абдуллаев А.* Из истории агрессивной политики Армении против Азербайджана. – Баку, 1995; *Армянский геноцид. Миф и реальность.* – Баку, 1992; *Депортация: история депортации азербайджанцев из Армении.* – Баку, 1998. 440 с. и мн. др., см. также работы *Кенгерли Г., Керимовой С., Мамедовой Л., Рустамова А., Самандара Р., Самедзаде З., Султанова Б.* и др.

⁴ *Имранлы К.* Создание армянского государства на Кавказе. – М., 2006; *Марджанлы М.* Армянство. Россия. Кавказ. – М., 2010; *Мамедли Эмин.* Карабахская сага. Т. 1. От Петра до Павла. – М., 2010 и др.

Предисловие редактора

Генезис этносов вызывает пристальный интерес у различных школ мысли, в том числе фундаментально-научной и политическо-прикладной. Эта важнейшая составляющая этнической проблематики является одним из приоритетных исследовательских направлений для целого ряда научных дисциплин, в том числе истории, этнологии, социальной психологии, социологии, политологии и международных отношений. Однако сложнейшие научные проблемы формирования этносов и развития этнических процессов часто становятся предметом спекуляций и фальсификаций, совершаемых в политических целях, нередко – в наукообразной форме. Причина этого кроется в том, что коллективные представления об этнических «мы» и «они» есть неотъемлемая часть политического сознания и подсознания этносов и одновременно уникальный по своей эффективности материал для целенаправленного воздействия на мировоззрение и психологию масс. Именно поэтому этногенез является излюбленным направлением фальсификаторов истории.

Историко-этнологический очерк «Азербайджанцы: история одного незавершенного этнопроекта» кандидата исторических наук Тамары Варданян, безусловно, принадлежит к первой из указанных школ. Базируясь на теоретически и эмпирически выверенных постулатах признанных научных теорий этноса, Варданян поднимает вопрос об исторической аутентичности таких ключевых терминологических понятий, как «азербайджанский этнос», «этническая территория азербайджанцев», «этнический азербайджанец».

Актуальность темы исследования очевидна – в условиях перманентного армяно-азербайджанского этнополитического конфликта необходимость непредвзятого научного анализа ряда проблем историко-этнологического характера, десятилетиями будоражащих не только академические круги, но и широкую общественность Армении и Азербайджана, стоит еще довольно остро. Несмотря на выявление многочисленных нарушений принципов историзма со стороны ряда азербайджанских и проазербайджанских авторов и в целом критическую характеристику их работ, Варданян неизменно соблюдает правила научной этики и объективности. Объясняя причины тенден-

циозности азербайджанских историков, она справедливо отмечает, что они, по сути, вынуждены жить и сочинять в условиях директив и строжайшего диктата со стороны политической власти, преследующей конкретные экспансионистские цели. Научная добросовестность Варданян проявляется, в частности, в ее положительном восприятии ряда новейших работ тех азербайджанских авторов, которые, «несмотря на сильное давление сверху, делают некоторые попытки освобождения от старых «парадигм» и деконструирования советского нарратива». Вместе с тем Варданян дает адекватные оценки писаниям тех авторов, которые осознанно встают на путь исторических фальсификаций и зомбирования собственного населения, добровольно становясь не только апологетами придания исторической науке роли слепого исполнителя абсурдных политических заказов правящего в Баку армяноненавистнического режима, но в конечном счете и подстрекателями межэтнического конфликта и войны.

Центральное внимание в очерке Варданян уделено анализу проблемы этнического названия (этнонима) – как эндоэтнонимов, так и экзоэтнонимов, являющихся первейшими показателями времени рождения отдельного этноса, его конечного отчленения и отмежевания от других этнонациональных общностей. Скрупулезно исследуя и объясняя различные исторические этнонимы закавказских мусульман, автор дает им наиболее подходящее для данного случая определение – протоэндоэтнонимы и протоэкзоэтнонимы. Ведь в действительности термин «азербайджанцы» все еще является ни чем иным, как политонимом, т. е. объединяющим этнонимом мусульман (и не только тюркоязычных) бывшей Азербайджанской ССР и нынешней Азербайджанской Республики.

Методологически, это – междисциплинарное исследование, имеющее, помимо исторического и этнологического, еще и ценный политологический контент. Читатель держит в руках, я бы сказал, хрестоматийную работу, основанную на тщательном анализе первоисточников, научной литературы и периодической печати.

Несомненно, очерк Тамары Варданян надолго станет настольной книгой для всех исследователей азербайджанского этноса, находящегося на, пожалуй, заключительных стадиях своего формирования, правда, с серьезной оговоркой на то, что в ближайшие десятилетия история не внесет кардинальных поправок в геополитическую карту региона...

*Армен Айвазян,
доктор политических наук*

Тамара Варданян

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ: ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕЗАВЕРШЕННОГО ЭТНОПРОЕКТА

*Историко-этнологический
очерк*

Введение

В советской и постсоветской азербайджанской историографии понятие «азербайджанский этнос» используется так, словно само его существование в новой и даже средневековой и древней истории является естественным, не требующим доказательств. Азербайджанскими авторами также практикуется метод механической экстраполяции истории всех народов и этнических групп, проживавших когда-либо на территории современной Азербайджанской Республики в этническую историю азербайджанцев. Тот же подход можно встретить и в работах ряда зарубежных исследователей. Когда американская исследовательница О.Альштадт представляет историю территории Атропатены¹ в книге под названием «азербайджанские тюрки»², то у непосвященного читателя, естественно, создается впечатление, что «азербайджанские тюрки» в качестве этнонациональной единицы существовали аж в IV веке до н.э.

К понятию «азербайджанский этнос» азербайджанский «эксперт» Ф. Бекташи апеллирует так: «Армяне сохранили свою «самобытность» не потому, что «стойко сопротивлялись» процессу этногенеза азербайджанцев, а потому что прибыли сюда (курсив мой. – Т.В.) к их прибытию на Кавказ (по азербайджанской псевдотеории это имело место лишь в конце 1820-х гг. – Т.В.) уже сформировался»³. Абсурдное утверждение о «прибытии армян на Кавказ» (в которую необоснованно включается Восточная Армения – часть Армянского Нагорья) лишь в конце 1820-х гг., конечно, не заслуживает научного обсуждения. В данном же случае нас интересует то, что, по мнению Ф. Бекташи, до Туркменчайского (1828) и Адрианопольского (1829) договоров «азербайджанский этнос» был окончательно сформирован.

Другой азербайджанский автор, но уже профессиональный историк, доктор А. Балаев пишет: «На рубеже XVIII–XIX вв. *азербайджанский этнос* (курсив мой. – Т.В.) имел довольно широкий ареал расселения, занимая компактной массой все восточное и южное Закавказье, а также северо-западную часть современного Ирана»⁴. В своей недавно изданной монографии А. Балаев использует не только понятие *азербайджанский этнос*, но и формулировку *этническая территория азербайджанцев*. Автор считает, что русские завоевания в Закавказье в начале XIX века привели к «политической раздробленности, ...к национальной катастрофе: страна не только попала в колониальную зависимость, но и вдобавок *этническая территория азербайджанцев* была расчленена между двумя соседними государствами (подразумеваются Россия и Иран. – Т.В.). Это событие имело весьма негативные последствия, поскольку с этого момента этнополитическое развитие двух частей *азербайджанского этноса* пошло обособленными путями» (курсив мой. – Т.В.)⁵. Далее А. Балаев опять пишет о потерях азербайджанцами своих якобы этнических территорий: «Массовое переселение армян на северо-азербайджанские земли создало реальную опасность для сохранения единства той части этнической территории азербайджанцев, которая оказалась в составе Российской империи... А определенная часть западного ареала этнической территории азербайджанцев, вообще, подверглась полной арменизации» (курсив мой. – Т.В.)⁶.

Самым «оригинальным» оказался, однако, школьный учебник по истории Азербайджана, который был «удостоен» критики даже некоторых молодых азербайджанских исследователей. Так, И. Аббасов⁷ и С. Румянцев⁸ отмечают, что в учебниках по истории Азербайджана «древность азербайджанского «этноса»/нации экстраполируется, прак-

тически, в палеолитическое прошлое»⁹ и приводят, в частности, такой пример: «Сразу после упоминания находки останков первобытного человека на территории современного Азербайджана¹⁰ в Азыхской (в действительности – Азохской¹¹. – Т.В.) пещере, без конкретного уточнения даты, о том, что возраст останков «азыхского человека» исчисляется «сотнями тысяч лет» следует многозначительный вывод «Один из древних жителей Европы, один из самых древних народов мира – мой народ, мой родной, великий азербайджанский народ! Живи и процветай, мой край – древнейший из древних, изначальная и вечная моя Родина – Азербайджан, прошедший путь в сотни тысяч лет!»¹². Фактически, авторы школьного учебника по истории Азербайджана¹³ уверены, что в человеческих останках (!), найденных в пещере эпохи палеолита, есть признаки азербайджанской этнической идентичности.

В работе будет проанализирована проблема научной обоснованности ряда историко-этнологических понятий, безальтернативно используемых азербайджанскими и некоторыми зарубежными авторами. Речь идет о формулировках «азербайджанский этнос», «этнический азербайджанец», «этническая территория азербайджанцев». Обладают ли эти муссируемые понятия четкими контурами и содержанием? Насколько легитимно их использование вообще и особенно в научно-исторической литературе? Завершено ли на данный момент конструирование азербайджанского этноса или этот проект все еще продолжается?

С целью ответа как на эти, так и на смежные вопросы исследуются основные формы самоидентификации, протоэтнонимы и протоэтнонимы, внешние и внутренние катализаторы процессов этнизации и первые проявления чисто этнического самосознания в среде мусульман Закавказья, а также возможные пути развития дрейфующего состояния их идентичности в среднесрочной перспективе.

Но в начале необходимо обратиться к обзору теорий этноса, определить универсальные, а также специфические этнические признаки, затем только перейти конкретно к рассмотрению «азербайджанского этноса» или вернее незавершенного процесса его конструирования. Хотелось бы также особо подчеркнуть, что текущий армяно-азербайджанский политический конфликт никоим образом не повлиял на выводы данного исследования.

1. О ТЕОРИЯХ ЭТНОСА

Современная теория этничности, нации и национализма определяет два основных исследовательских подхода: примордиалистский и конструктивистский¹⁴. Примордиалисты защищают тезис о древности этноса, вечности, устойчивости и неизменчивости нации, объективности ее существования. А конструктивисты этничность представляют как артефакт¹⁵, нацию – как продукт более позднего постиндустриального периода, как результат целеустремленного сознательного конструирования со стороны модернизированной элиты.

Рассмотрим более раннюю концепцию – примордиализм и представим подходы к этничности наиболее известных ее представителей.

Концепция этноса, представленная видным советским этнологом Ю. Бромлеем, гласит: «Этнос – исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)»¹⁶. Фактически, Ю. Бромлей, а вместе с ним и вся советская школа этнологии, ключевое значение в определении этноса придавали культурным особенностям, психике, самосознанию, которое отражалось в этнониме¹⁷. Связь этнонима с этническим самосознанием подчеркивает и доктор философских наук, профессор Г. Тавадов уже в постсоветскую эпоху. Он пишет: «Каждый из этносов имеет непреходящий внешний знак – самоназвание. Само существование самоназвания – этнонима – предполагает, что у этой общности сформировалось этническое самосознание»¹⁸.

В том же ключе к вопросу этничности подходит и видный британский теоретик нации и национализма Э. Смит, который так иллюстрирует признаки этнических (донациональных) сообществ, называя их французским словом – *ethnies*. Он выделяет шесть его признаков/измерений (dimensions): 1) общее имя (этноним), 2) миф об общем происхождении, 3) общая история, 4) общая отличительная культура,

5) ассоциация с определенной территорией, 6) чувство солидарности¹⁹. После рассмотрения всех шести признаков в отдельности, Э. Смит резюмирует, что именно с их помощью возможно отличить этнические сообщества от других человеческих коллективов.

В примордиализме есть два основных направления: *историко-эволюционное* и *социобиологическое*. Первое (например, те же Ю. Бромлей и Э. Смит) акцентирует внимание на сформировавшиеся в процессе исторической эволюции культурную гомогенность, чувство единства и солидарности, самосознание, отражающееся в этнониме. Социобиологическое же направление в примордиалистской концепции основывается, главным образом, на принципах биологического детерминизма, согласно которому, этничность сводится к генам и крови, а этнос является совокупностью биологически связанных между собой особей. Такая интерпретация этничности, как правило, игнорируется научным сообществом по той причине, что при этом человек, фактически, воспринимается как биологическое создание, животное. Относительно этого течения, социолог К. Янг справедливо замечает, что антропологи стараются отмежеваться от «экстремальных форм, в которых примордиализм забредает в зоопарк социобиологии»²⁰.

Вторая, более современная концепция этничности – конструктивизм делает акцент не на необходимости жестких, объективных признаков (территория, раса, язык, религия и т. п.), а на представлении об общей культуре, где этнические маркеры являются сознательно конструированными артефактами. Так, «манчестерская школа»²¹ по исследованию этничности (М. Глакман, К. Митчелл, Ф. Майер, А. Козн, А. Эпштейн), также как и школа Фредерика Барта²², подчеркивают основополагающую функцию коллективных/общественных представлений и восприятий. Исследуя процесс перехода от племени к этносу, они важное место отводят формированию и поддержанию групповых границ посредством образа «мы», противопоставленного образу «они». Учёные, работающие в рамках концепции конструктивизма, «первым условием существования этничности считают наличие дихотомического отношения «мы-они». Если такого отношения не существует – нет и этничности», – считают они²³.

В этом ключе приведем интересный пример, выявленный американским антропологом М. Моерманом при исследовании этнической группы *Лао* (Таиланд). М. Моерман пишет, что от окружающих этносов *Лао* не отличается «ни особым жизненным укладом, ни отдельным языком, ни эксклюзивной традицией, ни отдельной религией»²⁴.

Задаваясь вопросом о том, какой признак стал фундаментом формирования этнической границы *Лао*, М. Моерман пришел к такому заключению: «Кое-кто считает себя *Лао* посредством убеждения и самоназвания *Лао*. И на основе этого он ведет себя так, как будто его этничность действительна»²⁵. Фактически, в этом примере убежденность и осознанность своего отличия, а также наличие этнонима как индикатора отдельного самосознания, оказались вполне достаточны, чтобы сформировались этнические границы для группы под названием *Лао*. (Хотя следует признать, что вопрос о том, каким же образом сформировалась эта убежденность о своем отличии, конструктивисты, как правило, оставляют без всестороннего и убедительного ответа.)

Суммируя две представленные концепции, можно сказать, что существует ряд важных и основополагающих признаков этноса, наличие которых дает нам право утверждать о существовании той или иной этнической группы. Этими признаками являются общая культура, духовное родство, чувство солидарности, представление о своих этнических границах, осознание своего единства и своего различия от других (т. е. дихотомия «мы–они»), самосознание, и наконец, этноним, который является продуктом этнического самосознания.

2. ПРОТОЭТНОНИМЫ ЗАКАВКАЗСКИХ МУСУЛЬМАН В XVIII–XIX ВВ.

Приступим к рассмотрению вопроса научной обоснованности понятия «азербайджанский этнос», а также неразрывно связанных с ним и безапелляционно муссируемых формулировок «этнический азербайджанец» и «этническая территория азербайджанцев».

Подчеркивая особую важность фактора *этнонима*, Э. Смит пишет: «Коллективное имя [этноним] – это идентификационный маркер этничности в исторических записях»²⁶. Действительно, если в прошлом существовал какой-нибудь этнос, то где-то, в каких-либо исторических записях должно быть упоминание о нем посредством этнонима. Добавим, что могут быть случаи, когда тот или иной этнос в прошлом имел другой этноним. В таких случаях выявление процесса смещения одного этнонима другим и преемственность между ними требуют научных доказательств. Но очевидно, что «коллективное имя – это подпись, эмблема этнической общности, посредством чего он отличает себя от других и обобщает свою сущность»²⁷. Именно с самого очевидного индикатора этноса – этнонима и рассмотрим историко-хронологическую достоверность термина «азербайджанский этнос».

2.1. Протоэндоэтнонимы²⁸

Исследование этнонимов представляет собой отдельное направление ономастики²⁹, которое называется этнонимикой. Существуют два основных вида этнических названий: самоназвание (эндоэтноним) и иноназвание (экзоэтноним), т. е. этническое название, данное другими народами³⁰. Рассмотрим сначала первый уровень – самоназвание «азербайджанского этноса». Для этого необходимо понять форму самоидентификации, образы «своих» и «чужих» в среде мусульман Восточного Закавказья в XVI–XIX вв., ретроспективно ответить за них на вопрос – «кто мы?»

В XVI в. мусульманское население Закавказья делилось в основном на два течения – шиизма и суннизма. Сунниты в силу религиозной общности тяготели к Турции, шииты – к Персии. В Ширване, где проживали и сунниты, и шииты, политическая ситуация была крайне напряженной. По сведениям востоковеда В. Бартольда, «после уничтожения ширваншахов Сефевидами [в начале XVI в.], Ширван составлял провинцию новоперсидской державы... Его жители неоднократно поднимались против владычества шиитской династии и, как сунниты, требовали помощь от турецкого султана»³¹. Истории известен целый ряд кровопролитных войн между шиитской Сефевидской Персией и суннитской Османской империей XVI–XVIII вв.³² Между суннитами и шиитами существовали глубокие религиозные и мировоззренческие противоречия, которые служили идеологическим знаменем для воюющих сторон, причем каждая из них воевала с противником за «чистоту ислама» и «против ереси». Например, весной 1514 г. османский султан Селим I созвал чрезвычайный диван, на котором война с кызылбашами (шиитами) была объявлена суннитскими улемами джихадом (священной войной)³³.

Источники XVIII века показывают схожую картину. Историк и доктор политических наук А. Айвазян, основываясь на достоверных первоисточниках, приводит ценные свидетельства о том, как османские турки в союзе с кавказскими суннитами с особой жестокостью учиняли резню не только армян, но и иранских и закавказских мусульман-шиитов, называемых ими *каджарами* или *кызылбашами*. В частности, две фетвы, изданные главным муфтием в Константинополе (Стамбуле) в 1723 и 1730 гг., были направлены против шиитов и христиан одновременно³⁴. Вражда между шиитами и суннитами в Закавказье была настолько яростной, что в марте 1724 г. для борьбы с суннитами закавказские шииты подписали договор о военной взаимопомощи... с армянами!³⁵ Об этом договоре азербайджанский исследователь А. Юнусов пишет: «По сути, это был шиитско-христианский договор о взаимопомощи против суннитов»³⁶.

По поводу взаимоотношений между суннитами и шиитами Закавказья уже в XIX веке А. С. Броневский пишет: «Непримиримая вражда, которая, кажется, нес скоро потухнет, останется еще между суннитами и шиитами, то есть между турками и персиянами; из коих первые наипаче отличаются духом изуверства и отчуждения от благоумной терпимости»³⁷.

И даже в начале XX века, когда религиозное сознание постепенно начинает ослабевать, предоставляя главенство этнолингвистическому,

единства и взаимного чувства солидарности между суннитами и шиитами Восточного Закавказья не наблюдается. Например, в ходе армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг. сунниты целых полтора года так и остались сторонними наблюдателями кровавого конфликта, в которую были вовлечены шииты. Итальянский журналист и дипломат Л. Виллари отмечал по этому поводу: «Мусульмане-сунниты, будь то татары, турки, лезгины, курды или другие, формирующие отдельную общность, не принимали участия в армяно-татарской вражде»³⁸. Здесь примечательно, что Виллари всех суннитов представляет как отдельную общность, игнорируя внутри них даже лингвистические различия. Ведь упомянутые им татары и турки – тюркоязычные, в то время как курды – ираноязычные, а лезгины – кавказоязычные. Но Виллари упоминает их как отдельную общность под коллективным названием «мусульмане-сунниты». Далее Л. Виллари сообщает дополнительные и не получавшие до сих пор интерпретации подробности: «Необходимо отметить, что на Кавказе только шииты нападают на армян, сунниты – тоже достаточно многочисленные, не принимали участия в последних волнениях и в некоторых случаях, как, например, в Шемахе, помешали шиитам организовать погром [армян]»³⁹.

Следующее описание видного общественного деятеля Ахмед бега Агаева (Агаоглу) о своем зажиточном отце представляет, пожалуй, одно из типичных форм самоидентификации мусульман Восточного Закавказья вплоть до конца XIX века: «Он [его отец] умел читать и писать, знал персидский (также турецкий и арабский) и поэзию Физули. Когда кто-нибудь спрашивал его «Кто ты?», он отвечал: «Я принадлежу сообществу благословенного Мухаммеда, я преданный слуга Али [т. е. шиит]. Мой отец Мирза Ибрагим, а его отец Гасан Ага из Куртели [племня]»⁴⁰. Далее А. Агаев пишет, что «никогда ему в голову не приходила мысль сказать, что он тюрк»⁴¹. Таким образом, отец Агаева самоидентифицировался как шиит из племени Куртели.

Как известно, племя предшествует этносу. Рассмотрим тот же пример, исходя из концепции Манчестерской школы по исследованию этничности, представители которой детально исследовали процесс перехода из племени к этносу и пришли к выводу, что в этой трансформации важное место принадлежит *интеракции*, т. е. общения с другими группами. Они утверждали, что лишь при общении возможно постепенное формирование образа «свой/чужой». А. Агаев, представляя умеренную жизнь своего отца, пишет: «Он жил и умер счастливым... Его ничего не беспокоило... Он и не подозревал, что

русские пришли и распространили свои крылья на землях Куртели. Русские не трогали крупные владения. Наоборот, они крупным помещикам предоставили титул аристократов... Почему мой отец – сын Мирзы Ибрагима, который сын Гасана Аги из Куртели, должен был беспокоиться? Он ел, пил, со своими собаками шел на соколиную охоту»⁴². Этот важный фрагмент, описывая самовосприятие типичного представителя зажиточного мусульманина-шиита в Восточном Закавказье во второй половине XIX в., обрисовывает его образ, уровень самосознания и формы самоидентификации. Так, во-первых, налицо доминирование религиозного мировоззрения; во-вторых, отсутствует этнолингвистическое самовосприятие (*никогда не приходила в голову мысль сказать, что он тюрк*); в-третьих, мы видим изолированность и отсутствие активной интеракции между местными племенами и как прямое следствие – племенное самовосприятие (*из племени Куртели*). Именно такие формы самовосприятия тормозят формирование этносов. Ведь мусульманские каноны, особенно концепция уммы – наднациональной солидарности между всеми мусульманами, запрещают деление мусульман по национальному или расовому признаку, а изолированность препятствует консолидационным процессам и формированию образа «своих» в рамках определенной этнической общности.

Азербайджанский советский историк А. Алекперов тоже указывает на наличие родоплеменного самовосприятия в XIX в. Он пишет: «Полукочевники, сохранившие еще пережитки патриархально-племенных отношений, называли себя по имени рода или племени, к которому они принадлежали. Отсюда такие названия как авшары, текели, кенгерли, айрумы и т. д. Оседлое же сельское население и население городов, экономическая деятельность которого ограничивалась узкими рамками отдельных мелких районов Азербайджана, зачастую экономически совершенно оторванных друг от друга, называло себя по территориальному признаку, как, например, ширванцы, карабахцы, шекинцы, кубинцы и бакинцы»⁴³. Заметим, что автор в традиционной манере для азербайджанской историографии использует неаутентичное название Азербайджан применительно к XIX в., между тем как эти территории получили это название позднее. Но нас интересует другое. Алекперов, фактически, обрисовал две формы самоидентификации: родоплеменную – в среде полукочевников, и территориальную – в среде оседлой части населения и городских жителей (вероятно, автор не упомянул о доминировании религиозного мировоззрения, исходя из атеистической идеологии советской эпохи).

О самоидентификации по территориальному признаку говорится также в работе немецкого ученого Е.-М. Аух. На примере «бакинского землячества» мусульман-студентов при Московском университете конца XIX века, Е.-М. Аух сообщает, что они «выступают в общественной жизни, прежде всего в виде «землячеств», объединений, которые формировались не по этно-религиозному признаку, а на основе происхождения из одной местности»⁴⁴.

Рассмотрим также роль лингвистического фактора в самоидентификации мусульман Восточного Закавказья. Данные показывают, что тюркоязычность, ввиду отсутствия нормативного литературного языка и национальных школ, до начала XX в. не играла значимой роли в вопросах самоидентификации. Так, С. Броневский пишет: «В Дербенте, в Шемахе и Баку есть школы, в коих преподают уроки арабского и персидского языка по правилам грамматики. Сим последним языком, называемым фарси, говорят только городские жители и грамотные чиновники. Общепонятный язык есть татарский (т. е. тюркский. – Т.В.), разделяемый на многие диалекты»⁴⁵. Таким образом, выясняется, что в массе своей население говорило на тюркском наречии, в то время как малочисленная образованная элита находилась под влиянием персидской культуры и общалась на языке фарси. Например, видный ученый Мирза Джафар Топчибашев был уроженцем Гянджы (1791–1869), из семьи мусульманских дворян – беков. Получив хорошее образование, он большую часть своей жизни преподавал в Петербургском университете, был одним из ведущих петербургских специалистов персидского языка и литературы. В его официальных документах было написано «Персианин из Грузии» (*из Грузии*, так как город Гянджа с 1840 года входил в состав Грузино-Имеретинской, потом Тифлисской губернии, и только в 1868 г. стал центром новообразованной Елизаветпольской губернии). Но современная азербайджанская интерпретация представляет М. Топчибашева ни много, ни мало как «этнического азербайджанца».

Другой видный закавказский мусульманский деятель – Ахмед бег Агаев (Агаоглу) в годы учебы в Сорбонне, находясь в Париже, писал статьи (1891–1893) под заглавием «Персидское общество» (*La Societe Persane*). В них он идентифицировал себя как персиянин, пишущий статьи о своей родной культуре⁴⁶. Но в современном Азербайджане А. Агаева не только «азербайджанизировали», но и превратили в «азербайджанского националиста». В своей монографии, посвященной жизни и деятельности А. Агаева, Х. Шисслер отзывается по этому поводу так: «В современном Азербайджане А. Агаев восприни-

мается как азербайджанский (не турецкий) националист, имеющий вклад в создании первой Республики Азербайджан, а его [близкие] отношения с Ираном и Османской империей умяляются»⁴⁷. Но ведь известно, что Агаоглу был ярким пантюркистом, негативно относился к идее создания независимого Азербайджана в 1918 году, и был сторонником включения этих территорий в состав Турции⁴⁸.

Другой пример ложной идентификации – это «азербайджанизация» известного деятеля, ученого и писателя первой половины XIX в. Аббаса Кули Аги Бакиханова. В советский период интенсивного конструирования азербайджанской идентичности он был возведен в статус «основоположника» азербайджанской историографии. Именно в советскую эпоху была заложена традиция приписывать всем мусульманам, когда-то проживавшим на территории Восточного Закавказья азербайджанскую идентичность, при этом тщательно обходилась стороной этническая самоидентификация этих мусульман.

Между тем, самым распространенным ответом мусульман Восточного Закавказья на вопрос «кто ты?», был ответ – «я мусульманин». Так, в 1891 году журналист и видный общественный деятель М. Шахтахтинский, в статье под названием «Как называть закавказских мусульман?», ясно описывал ситуацию: «До недавнего времени на русском языке называли закавказское магометанское население мусульманами, разумея под этим не вообще исповедателей ислама, а говорящее на тюркском языке население русского Закавказья. Подобное название народности по имени ее религии заимствовано русскими от самих закавказских магометан, которые и поныне называют свою народность и свой язык только мусульманскими, потеряв понятие о языке в понятии о религии. На вопросы, какой он народности и на каком языке говорит, закавказский магометанин другого ответа не дает, кроме того, что он мусульманин и говорит по-мусульмански»⁴⁹. В этом контексте заслуживает внимания также визуальный пример, представленный в одном из недавних интервью армянского ираниста-востоковеда, профессора Г. Асатряна. Речь идет об одной из афиш Бакинского театра, где представлено объявление о премьере (12 января 1908 г.) оперы Узеира Гаджибекова «Лейли и Меджнун», с показательной надписью «Опера на мусульманском языке»⁵⁰. Фактически, мусульмане Восточного Закавказья не только идентифицировали себя как мусульман, но и свой язык называли *мусульманским*.

Таким образом, краткий обзор групповой самоидентификации мусульман Восточного Закавказья в XVI–XIX вв. выявляет две ее основные формы. Во-первых, доминирует религиозное самосозна-

ние – в дихотомии мусульман-шиитов и мусульман-суннитов. Вторая же форма была обусловлена жизненным укладом и типом хозяйствования: для полукочевников – это племенная самоидентификация, для оседлой части населения – по названию местности.

2.2. Протоэтнонимы

Теперь рассмотрим названия, используемые другими по отношению к мусульманам Восточного Закавказья. Как выше уже было отмечено, иранских и закавказских мусульман-шиитов называли *кызылбашами*, что в переводе с тюркского означает «красноголовые» (будучи *шиитами*, они носили чалмы с 12 пурпурными полосками в память о 12 шиитских имамах). Кызылбаша представляли племенное объединение, состоящее в основном из тюркских кочевых племен – шамлу, румлу, устаджлу, текелю, зулкадар, кадждар, афшар, асирлу, а также ираноязычных талышей, ряда курдских племен и некоторых персидских кланов⁵¹. Именно из тюркоязычных кызылбашей происходили первые Сефевидские правители Ирана. У кызылбашей доминировало шиитское самосознание, своими же главными врагами они считали суннитов-османцев, с которыми вели долгие и кровопролитные войны.

Такая ситуация продолжалась вплоть до появления в регионе новых завоевателей – русских. О протоэтнонимах, используемых ими, А. Алекперов пишет: «Встречаясь впервые с азербайджанцами в начале XVIII в. (автор, как видим, неаутентично использует этноним *азербайджанцы*, появившийся лишь в XX в., применительно к XVIII в. – Т.В.), во время петровских походов на Кавказ, царские завоеватели не делали никакого различия между азербайджанцами и другими нехристианскими народами. Для них существовали лишь *христиане* и *бусурмане*. В начале XIX в. в актах и документах колонизаторов употребляется общепринятый для этого времени термин «азитцы». И лишь вслед за этим появляется название «мусульмане»⁵².

На самом деле, в название мусульмане объединялось все многомиллионное мусульманское население Российской империи (только по официальным данным в начале XX века на территории Российской империи проживало 15 млн. мусульман)⁵³, поэтому, естественно, возникала необходимость их именной диверсификации по географическому, языковому, конфессиональному и другим отличающим признакам⁵⁴.

В русскоязычных источниках встречается иноидентификация (т. е. идентификация другими) и на основе языка. Так, И. А. Гильденштедт⁵⁵ в своей книге «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.» делит население Восточного Кавказа на основе языковых признаков. Относительно мусульманского населения, он пишет: «На Восточном Кавказе встречаются три рода татарских народов: 1. Кумукские; 2. Терекемские⁵⁶, или трукхменские, и 3. Ногайские татары. Эти все говорят на одном из главных языков Кавказа, а именно, на татарском, но на очень различных диалектах, все же понятных при необходимости. Мне кажется, что сходство турецкого, терекемского, кумыкского и ногайско-татарских диалектов сравнимо со сходством между итальянским, испанским и португальским языками»⁵⁷. Здесь важно заметить, что среди татар Восточного Кавказа автор не упоминает *татар азербайджанских*, поскольку подобная иноидентификация, как будет показано ниже, не употреблялась до конца XIX – начала XX вв. Что касается упомянутых И. А. Гильденштедтом *терекемских татар*, то ряд исследователей считают, что впоследствии они участвовали в этногенезе азербайджанцев⁵⁸, что вполне вероятно, если учесть тот факт, что в XX веке в этот процесс были вовлечены все различные этноконфессиональные группы мусульман, территории расселения которых оказались в составе сперва независимого, а потом советского Азербайджана.

С. Броневский, труды которого относятся к первой четверти XIX века, делит закавказское население на две группы: христиан и мусульман. Христиан тоже в свою очередь делит «на две группы – последователей Греко-Восточной веры (грузины, имеретины, гурийцы, мингрелы, часть жителей Ахалцихского пашалига) и Армянской веры, коими являются только армяне»⁵⁹, – пишет автор. Броневский мусульман тоже делит на две группы: сунниты (последователи Омара) и шииты (последователи Али)⁶⁰. Таким образом, здесь встречаются следующие экзотонимы: *армяне*, ясно представленные в качестве отдельной самостоятельной группы, вдобавок с этнизированным названием своей религии (Армянская вера), *грузины*, *имеретины*, *гурийцы* и *мингрелы*. А в разделе о мусульманах экзотонимы отсутствуют.

Историк Н. Дубровин⁶¹ в своем шеститомном фундаментальном труде «История войн и владычества русских на Кавказе», изданном в 1871–1888 гг., тюркоязычных мусульман Восточного Закавказья представляет под заглавием «татары». Заметим, что в научной терминологии XVIII–XIX вв. вместо «тюркского» использовалось название «татарский», поэтому тюркоязычных племен, среди которых были

распространены разные диалекты тюркского языка, называли *тата-рами*. В тексте встречается название «закавказские шииты»⁶², использование которого, вероятно, преследовало политическую цель – хотя бы на уровне восприятия отделить шиитов Закавказья от их прежних правителей – шиитов Персии. Тем не менее, название «закавказские шииты» не имеет этнической коннотации, так как в нем объединялись, помимо закавказских татар, другие шииты Закавказья, в частности – талыши и таты.

Но иногда в российских источниках татарами называли не только тюркоязычные племена, но и всех мусульман, в том числе ираноязычных и даже кавказоязычных. Так, в источнике, который также датируется второй половиной XIX века, в разделе о народонаселении Бакинской губернии читаем: «Тюркское племя составляет по нашему списку 44% (210,223 чел.) общего итога населения губернии. Если же считать и городских жителей, которые по Бакинской губернии по большей части также принадлежат к этой народности, то оказывается что *татары* составляют далеко более половины всего ея народонаселения. Официальные сведения показывают еще несравненно более татар, *причисляя к ним все народы за исключением русских и армян* (курсив мой. – Т.В.)»⁶³. Таким образом, исключая лишь армян и русских, официальные источники часто причисляли к татарам ираноязычных и кавказоязычных мусульман Бакинской губернии. Тот же источник перечисляет другие этносы Бакинской губернии: также ираноязычных талышей, которые названы «единственными аборигенами Бакинской губернии»⁶⁴; ираноязычных татов, численность которых только в Бакинском уезде составляла 65%⁶⁵ (см. «Этнографическую карту Хогарта», 1902 г., на обложке, а также «Этнографическую карту Бакинской губернии по сведениям 1886 г.», на 4 стр. обложки), а по всей губернии они уступали по численности только татарам; кавказоязычных лезгин, которые «лучше противостоят ея [татарскому] влиянию, благодаря врожденной им силе и живучести»⁶⁶. Кроме того, к татарам, фактически, причисляли и других кавказоязычных мусульман-суннитов, проживавших в Бакинской губернии, «языки которых, отличные от всех известных языков Закавказья и Дагестана, различны между собою» – это хиналугцы, крызы, джекцы, будугцы, гапутлинцы⁶⁷. Тот факт, что татары называли сами себя мусульманами, предопределял ситуацию, когда автоматически всех мусульман, независимо от языкового компонента, часто причисляли к татарам. В этом случае, с тюркоязычными шиитами Закавказья в одной группе оказывались ираноязычные шииты и даже кавказо-

язычные сунниты. Несмотря на попытки царских властей внести ясность в идентификации групп, населяющих регион, оставалась явная неопределенность и неразборчивость, обусловленные тем, что «весьма трудно различить и выделить из числа *мусульман*, каковым именем называют себя татары, прочих мухаммедан»⁶⁸.

Среди бытующих названий по отношению к мусульманам Восточного Закавказья важное место занимает название – *перс*. Именно так долгое время их называли османские турки – *Ачем*, т. е. персами⁶⁹. В словаре Брокгауза и Ефрона за 1891 г. дано следующее разъяснение: «Между населением [г. Баку] преобладают две народности: 1) азербейджанские татары, совершенно неправильно называемые персами. Они мусульмане шиитского толка и подражают персиянам во многом, но их язык тюрко-татарский... и 2) армяне, в руках которых большая часть торговли и многие нефтяные промыслы»⁷⁰.

Закавказских мусульман, в основном шиитов, называли персами также крымские и казанские татары. Преподаватель оренбургского медресе Джемаль-эд-Дин Велидов на страницах журнала «Шура» в 1913 г. критикует эту ситуацию. Как убежденный пантюркист, он выступает за идею тюркского единения и акцентирует кровное родство всех мусульман, а причину путаницы находит «в общей умственной отсталости мусульман»⁷¹. Он пишет: «Турок Малой Азии и Румелии, мы называем просто турками, а они сами на своем литературном языке называют себя османами и свой язык османским. Османы до самого последнего времени не соглашались с названием «турки» и считали даже имя это оскорбительным. Например – в османском языке много таких пословиц: – «Турок может стать ученым, но человеком – никогда» или: – «Дайте турку власть, и он убьет отца»⁷². «Таким образом, – продолжает автор, – в то время, как мы называем османов турками, они отрицают такое определение себя, но в то же время называют нас татарами, хотя до последнего времени, мы и не принимаем этого названия... Мы называем сартами таджиков, говорящих на персидском языке, а *азербайджанских турок, живущих в Баку и Астрахани и говорящих на турецком языке, зовем почему-то персианами*»⁷³ (курсив мой. – Т.В.). Важно заметить дату появления этой статьи – 1913 год. Оказывается, что даже во втором десятилетии XX в. название перс продолжало использоваться по отношению к мусульманам-шиитам Восточного Закавказья, хотя уже с некоторыми оговорками. Но фактом является то, что до этого закавказских татар называли персами как османские турки, так и казанские и крымские татары и лишь с

начала XX века они постепенно начинали употреблять по отношению к ним другие этнонимы.

Кроме вышеназванных упоминаются и другие названия. Так, А. Алекперов, по отношению к XIX в., пишет, что «дагестанцы азербайджанцев (автор снова использует неаутентичный этноним *азербайджанцы*. – Т.В.) называли «каджары», т. е. именем предпоследней династии правителей Ирана, которые в XVIII веке делали попытки покорить Закавказье»⁷⁴. Добавим, что армяне тюркоязычных шиитов называли турками, а грузины – татарами (татреби).

Широко употреблялись и племенные названия. Так, по словам А. Алекперова, дагестанцы «употребляли и племенные названия – «падары», мугалы»⁷⁵. В качестве конгломерата из разных племен, таких как, кенгерлу, куманлу, дилагард́а, падар, шахсевен и т. д., тюркоязычные группы представлены в сведениях Кавказского статистического комитета от 1870 года, составленных Н. Зейдлицем⁷⁶.

И хотя с 1930-х гг. все население Азербайджанской ССР, независимо от этнолингвистического и религиозного компонента, получило официальное название «азербайджанцы», тем не менее, многие прежние названия не потеряли актуальность. Так, грузины до сих пор современных азербайджанцев называют иногда татарами, а дагестанцы, по признанию А. Алекперова – «кызылбашами»⁷⁷. Армяне тоже сохранили прежнее название – турки, которое используется большей частью в обиходной речи.

Примечательно также, что в некоторых армянских источниках армяно-татарские столкновения 1905–06 гг. упоминаются как «армяно-турецкие»⁷⁸, и лишь в изданных уже за рубежом более поздних публикациях встречается термин «армяно-татарские столкновения»⁷⁹. При желании же акцентировать племенное разнообразие соседей, армяне нередко использовали обобщенное название «тюрко-татарские племена»⁸⁰.

К концу XIX века наряду с термином «мусульмане» за тюркоязычными шиитами Закавказья все больше и больше закрепляется новое название «закавказские татары», или просто «татары». Название «закавказские татары» закрепилось еще и по причине того, что оно давало возможность различить их от казанских и крымских татар.

Таким образом, если вначале царские власти идентифицировали мусульман Восточного Закавказья главным образом на основе религиозного восприятия и называли *мусульманами*, то уже к концу XIX – в начале XX века наблюдается переход к использованию географического и лингвистического названия – закавказские татары, хотя тер-

мин мусульмане не выходит из употребления вплоть до первых десятилетий XX века.

Тем не менее, общепринятый этноним по отношению к рассматриваемой общности людей вплоть до 1930-х гг. так и не сложился. К началу XX века наряду с «закавказскими татарами» использовались «кавказские турки», «кавказские мусульмане», «закавказские мусульмане». К концу XIX века можно встретить уже термин «адербейджанские» (азербайджанские), который использовался по отношению к закавказским татарам наряду с названием «кавказские». Например, в «Алфавитном списке народов, обитающих в Российской империи» представлено так: «Кавказские или адербейджанские татары»⁸¹. Но вплоть до начала XX века термин «адербейджанские» (азербайджанские) использовался главным образом по отношению к тюркоязычным мусульманам Ирана на основе названия иранской провинции Азербайджан (Атропатена). Вот цитата из московской прессы от 1908 г.: «Тегеран, 9 (22), X. По полученным сведениям, турецкие эмиссары усиленно агитируют среди кавказского и адербейджанского мусульманства в пользу автономии Адербейджана, щедро раздают деньги и оружие, организуют тайные комитеты»⁸². В данном сообщении для российских мусульман (по видимости, тюркоязычных) все еще используется название – *кавказские мусульмане*, а для проживавших в Персии – *адербейджанские мусульмане*.

В начале XX века название «татары» постепенно стало замещаться названием «тюрки». В 1906 г. В. А. Старосельский, который писал о распространении пантюркизма и панисламизма в Закавказье, делает важную оговорку: «татары, вернее тюрки»⁸³. Тот же новый подход мы видим в выступлении депутата III Государственной Думы Н. Л. Маркова от 1909 г.: «Общество распространения просвещения среди мусульман объединяет разные племена горцев Кавказа: чеченцев, лезгин, *азербайджанских турок, которых неправильно называют татарами*, и затем всяческие другие племена; их образуют на турецком языке, ибо азербайджанский язык есть диалект турецкого (курсив мой. – Т.В.)»⁸⁴.

В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона за 1902 год упоминаются «Татары адербайджанские», далее разъясняется – «тюрки по языку, по расе иранцы»⁸⁵. Иначе говоря, в начале XX века название «азербайджанские тюрки» начало постепенно входить в оборот. Касаясь тех же вопросов самоидентификации мусульман Восточного Закавказья, Х. Шисслер пишет, «границы и этнические идентичности, которые кажутся сегодня такими ясными, в то вре-

мя (имеется в виду XIX в. – до 1920-х гг. – Т.В) были открыты, пронизываемы и текучи»⁸⁶.

Таким образом, мусульманское население Восточного Закавказья вплоть до начала XX века упоминалось самыми разнообразными протозкоэтнонимами, ни один из которых не стал общепринятым.

Такое обилие названий и их неоднозначное использование является явным индикатором аморфности и размытости этнического самосознания среди рассматриваемой группы населения Закавказья.

Властвовала этнонимическая путаница и неразбериха. Под названием «мусульмане» подразумевалось все многомиллионное мусульманство империи, под названием шииты они объединялись в одну группу с персами, талышами, татами, курдами. Под названием «татары» объединялись с ними в один ряд татары – казанские и крымские. Несколько иная ситуация с названием «закавказские татары». В попытках уяснения ситуации с размытым этническим самосознанием часто прибегают к использованию географических названий, которые становятся вспомогательными инструментами для идентификации той или иной группы. Такую роль в данном случае играло географическое название *закавказские*. Конечно, название, состоящее из двух слов, не только имеет определенные неудобства, но и показывает сложный и незавершенный процесс поисков самости. Тем не менее, на наш взгляд, использование названия «закавказские татары» в свое время сыграло положительную роль в процессе конкретизации в восприятии и самовосприятии данной общности. Так, использование этого названия со стороны других формировало определенное восприятие, в котором существовали три важных консолидационных элемента: 1) в нем отсутствовало разделение «закавказских татар» на шиитов и суннитов, а такое восприятие не могло не способствовать формированию чувства общности, ослаблению религиозного раскола, долгое время препятствующего консолидации; 2) акцентировалась этнолингвистическая составляющая групповой идентичности; 3) конкретизировалось географическое расселение данной общности, которую можно было отныне не путать не только с крымскими и казанскими татарами, но и с персами. Но, несмотря на все эти прогрессивные моменты, современные азербайджанские историки, этнографы и представители других смежных специальностей практически не употребляют название «закавказские татары», явно избегая анализа важной исторической фазы в незавершенном процессе консолидации современного азербайджанского этноса.

3. ДЕ-ИРАНИЗАЦИЯ И НАЧАЛО ТЮРКИЗАЦИИ

После российского завоевания в среде мусульман Закавказья начались этнолингвистические трансформационные процессы. Как отмечает известный турецкий историк, профессор К. Карпат, «фарси (персидский), на котором говорил высший класс, стал медленно замещаться народным языком *тюрки*. Такое изменение поддерживалось русскими, стремившимися ослабить персидское влияние на Кавказе»⁸⁷. Начавшаяся в XIX веке де-иранизация мусульманского населения, т. е. постепенное его «освобождение» от духовного и культурного влияния Персии, уже к концу века привела к значительной трансформации идентичности. Де-иранизация и постепенная тюркизация ярко прослеживаются особенно на примере образованных мусульман, во взглядах которых открыто начинают преобладать общетюркские мотивы. Если, например, А. Агаев (Агаоглу) – один из видных представителей закавказских мусульман, в конце XIX века все еще позиционировал себя как носителя персидской идентичности (см. выше), то уже к началу XX века он постепенно начинает воспринимать себя как тюрка, а далее становится ярким пантюркистом. В 1911–12 гг. эмигрировавший из России А. Агаев на страницах «Тюрк-юрду» (Константинополь) уже критикует писателей, которые предпочитают персидский язык турецкому. Он пишет: «До последнего времени самое слово «тюрк» считалось оскорбительным, и наши писатели считали достоинством писать свои произведения по-персидски, по-арабски, а не по-тюркски. Наши писатели и поэты до самого последнего времени не создали ничего, что соответствовало бы тюркским потребностям и идеалам»⁸⁸.

Интересный материал приведен Е.-М. Аухом из татарской газеты «Кешкюль» («Миска дервиша») за 1891 год. Это фиктивное интервью некоего М. Султана с южнокавказским мусульманином⁸⁹, в котором отображается картина неясной идентичности:

Вопрос: Какой ты национальности (миллет)?

Ответ: Я мусульманин, тюрк (тюрк).

Вопрос: Тюрк-осман?

Ответ: Нет, я байчанлы.

Вопрос: Где находится страна, в которой живут байчанлы?

Ответ: Я могу сказать примерно так, что по одну сторону Аракса живут азеры, а по другую – байчанлы. А вместе все называется азербайджани. Но по отдельности мы – байчанлы.

Вопрос: Но ты говоришь по-тюркски, значит, ты тюрк (тюрк).

Ответ: Это невозможно точно описать словами. Я – тюрк (тюрк) и одновременно – байчанлы.

Вопрос: Если вы считаете себя тюрками – байчанлы, почему вы не устранили это противоречие, называя себя просто азербайджанскими тюрками?»⁹⁰.

Так перед нами наглядный пример попыток конструирования идентичности со стороны модернизированной элиты. Появление в прессе такого типичного диалога между представителем просвещенной элиты и простым обывателем указывает на то, что первые стремились помочь последним в поисках самости. Если следить за ходом интервью, то очевидно, что респондент нечетко представляет ответы на задаваемые вопросы. Тому свидетельства такие выражения, как «я могу сказать примерно так» или «это невозможно точно описать словами». Но зато мы видим, как М. Султанов шаг за шагом ведет своего респондента до желаемого ответа, которым, по его мнению, является этноним «азербайджанские тюрки», являющийся во многом этнопроектом части интеллектуальной элиты тюркоязычных мусульман Закавказья. Это фиктивное интервью свидетельствует еще и о том, что самоназвание «азербайджанские тюрки» на тот момент общепринятым не было, а целенаправленно внедрялось в общественное сознание посредством прессы и других возможных средств.

Тем же 1891-м годом датируется статья М. Шахтагинского, в которой он пишет: «Желая дать закавказским магометанам имя, в последнее время на Кавказе на русском языке начали называть их «татарами». Нововведение это никак нельзя назвать удачным, ибо существует большая разница между закавказским тюрком и татаринном внутренних губерний по языку, виду, обычаю, нравам. Язык, на котором говорят закавказские магометане, относится к тюркской группе, которая делится на главные диалекты: османский, сельджукский, азербайджанский. Удобнее всего было назвать закавказских мусульман – азербайджанскими тюрками, а их язык тюркско-азербайджанским»⁹¹. Здесь М. Шахтагинский также, как и М. Султанов в своем фиктивном интервью, впервые открыто предлагает самоназвание «азербайджанские тюрки». Это фактически начало формирования

этнолингвистической идентичности, ставшее возможным лишь вследствие де-иранизации тюркоязычных шиитов Восточного Закавказья, только впоследствии получивших этноним *азербайджанцы*. К концу XIX – началу XX века их де-иранизация и постепенная тюркизация стали началом формирования этнического самосознания на базе общетюркской идентичности. По сути, это был процесс «отмежевания» от персидско-шиитской среды и формирования новой этнической общности на основе лингвистического составляющего.

В конце XIX века важную роль в этом процессе играла медленно зарождающаяся бакинская тюркоязычная пресса. Так, первая газета на местном тюркском наречии «Экинчи» (Пахарь) была издана в Баку в 1875 г. преподавателем местной гимназии Хасан Мелик-Заде Зардаби. Но из-за отсутствия нормативного литературного языка и низкого уровня грамотности населения⁹², ей пока не суждено было играть роль консолидирующего органа. Газета скоро была закрыта. Впоследствии журнал «Мир Ислама» так оценивал ее роль: «Главным недостатком газеты [Экинчи] был язык ее. Она писалась на обыденном азербайджанском наречии, неустойчивом, изменчивом, без соблюдения правил стилистики»⁹³.

И только в начале XX века этот процесс вновь оживился. Стали выходить газета «Хайят» (1905–1906) и журнал «Фиюзат» (1906–1907) на стамбульском диалекте османского языка (А. Агаев, А. Гусейн-заде), которые сильно способствовали усилению влияния Турции и доминированию общетюркской идентичности в среде тюркоязычных мусульман Закавказья. Подобно тому, как происходил процесс становления первых европейских наций и формирование новых идентичностей в XVII–XVIII вв. в том числе посредством тиражированных газет⁹⁴, то же самое наблюдается и в среде закавказских «татар», но намного позднее – в конце XIX – начале XX в.

Были и другие, не менее важные, катализаторы консолидационных процессов – кризис империи, русско-японская война 1904–1905 гг. и поражение России, революция 1905–07 гг. Мощным импульсом усиления тюркской самоидентификации закавказских татар⁹⁵ послужили вспыхнувшие в феврале 1905 года армяно-татарские столкновения⁹⁶ и усердная пропаганда пантюркизма в их среде⁹⁷.

Таким образом, на основе этнолингвистического составляющего закавказские татары к концу XIX – началу XX века начинают осознавать свое отличие от персов и других ираноязычных шиитов Восточного Закавказья. Этнолог и философ Г. Тавадов схожую картину представляет на примере белорусов: «Когда белорусы стали думать и го-

ворить о себе как о людях, чем-то отличающихся и от древних русичей, и от живущих к югу украинцев, и от литовцев на севере, и от русских на востоке, причем отличающихся не по одной лишь территории расселения, но и по обычаям, языку, чертам быта, они перевели на уровень сознания – уровень субъективный – некоторые объективные показатели своего существования, осознали их»⁹⁸. Далее автор справедливо отмечает: «Этносом является только та совокупность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей»⁹⁹. Хотя тюркоязычные шииты Восточного Закавказья и прежде обладали объективными маркерами идентичности (религия, язык, традиции и т. д.), но осознание своего различия и начало «отмежевания» от соседей-шиитов наблюдаются лишь к концу XIX века. Неслучайно, что именно в это же время начинаются поиски этнонима, как это показано в вышеприведенных примерах.

Уже к началу XX века, и особенно, в период армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг., тюркская идентичность в среде закавказских татар становится окончательно доминирующей. По свидетельству известного армянского историка и общественно-политического деятеля Д. Анануна, «Гаджиев [зажиточный татарин Исрафил Гаджиев] не отделял интересы османских турок от интересов остальных турок и не скрывал этого»¹⁰⁰. Он говорил: «Какова цена того, что армяне заверяют нам, что ихние революционеры действуют против Турции. Эта Турция родственна мусульманам Закавказья: кто действует против Турции, тот, естественно, является врагом закавказских турок»¹⁰¹.

Другой видный деятель закавказских татар, делегат из Бакинской губернии Али Мардан бек Топчубашев во время первого съезда представителей мусульманских народов России, проводимом полуправильно на пароходе «Густав Струве» в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде, говорил: «Мы – наследники тюрков, одного племени, единых корней, одной религии»¹⁰².

В усиление тюркизма большой вклад внесли деятели конца XIX – начала XX века А. Гусейн-заде, А. Агаев, А. М. Топчубашев и др. Еще при жизни Али бека Гусейн-заде называли «борцом тюркского мира»¹⁰³, его взгляды отражаются в программе газеты «Фиюзат», курс которой «тюркизация, исламизация, европеизация».

Несмотря на интенсивную тюркизацию, в начале XX века пока еще не существовало четко определенного этнопроекта для полуморфной этнорелигиозной общности, которая впоследствии была названа азербайджанцами. Многие из представителей мусульманской

элты. по крайней мере до революции, находились под влиянием пантюркистских идей, в силу чего закавказских татар или азербайджанских тюрок не рассматривали в качестве отдельной этнонациональной единицы, а воспринимали как неотъемлемую часть общетюркского мира. Видный французский востоковед-советолог А. Беннигсен справедливо пишет: «Дореволюционные мусульмане, кочевники или крестьяне, абсолютно не имели осознания принадлежности к определенной нации туркменов, узбеков, киргизов, казахов или каракалпаков. То же самое можно сказать о волжских татарах и азерах. Перед революцией в такой форме не применялось даже имя «азери» или «татарин». Волжские татары называли себя «тюрки», «булгары» или просто «мусульмане»; азеры (т. е. будущие азербайджанцы. – Т.В.) называли себя «тюрками». Внутренним связующим звеном общества был ислам»¹⁰⁴.

Именно эту ситуацию в 1914 году критиковал видный деятель М. Э. Расулзаде. В серии статей «Национальное бытие» он писал: «Мы, как и другие российские мусульмане до сих пор придавали значение не национальному, а религиозному фактору. Выпускали тюркскую газету, а называли ее мусульманской. Создавали театры и оперы на тюркском, называя их мусульманским театром и мусульманской оперой. Открывали школы, давая им название русско-мусульманской... Хотя все это мы делали на тюркском языке и ради возрождения тюркской культуры, но под влиянием исламского фактора мы считали себя мусульманами, не придавая значения тому, что на самом деле мы являемся представителями тюркской национальности. Более того, мы даже не протестовали, когда нас называли «татарами» и «персиянами»¹⁰⁵.

Несмотря на тюркизацию закавказских татар как в период распада Российской империи, так и после провозглашения независимой республики в 1918 году, самоидентификация «я – мусульманин» не выходила из употребления. В Закавказском сейме, который был создан по партийному, а не национальному или же религиозному принципу, в ходе заседаний образовалось три основных блока: армянский, грузинский и мусульманский (последний состоял из четырех партий/фракций). Часто современные *азербайджанские* авторы неоправданно называют их азербайджанскими фракциями, но в исторических документах они фигурируют именно под названием *мусульманских*, что в контексте нашего исследования само по себе является примечательным фактом. Историк из калифорнийского университета Л. Сарджент отмечает, что закавказские татары «до 1930-х годов часто

идентифицировали себя в соответствии с местом, где сами (или их родители) родились, или же в качестве «мусульман»¹⁰⁶.

Так, в «Декларации независимости» Азербайджанской Республики (1918 г.) нет упоминания о тюркском (тем более – азербайджанском) этносе, который мог быть представлен в документе как, например, титульная нация или государствообразующий элемент. Документ ссылается на «народы Азербайджана» как носителей суверенного права. И если сравнить с «Декларацией независимости» Армении того же года, то там ясно говорится, что власть устанавливается в «армянских уездах», т. е. на территориях, где проживают армяне, а орган, который берет власть в свои руки называется *Армянский* Национальный Совет. В Азербайджане же установилась власть не *Азербайджанского (или Тюркского)*, а *Мусульманского* Национального Совета.

Социолог, кандидат философских наук А. Цуциев, который в своей работе успешно перенес проблему конструирования национальных идентичностей на плоскость географической карты, отмечая, что в 1918 г. у армян и грузин доминировала этнонациональная парадигма строительства нового государства, справедливо указывает на отсутствие подобной парадигмы у закавказских татар. Он пишет, что в Закавказье «наличествуют два «исторических народа», критерий самоопределения которых в тех условиях не мог быть иным, кроме этнонационального. Отсюда Азербайджанское государство выступает сначала как турецкий и мусульманский политический контрагент грузинского и армянского самоопределения в Закавказье и лишь затем как национальное государство, которое из лояльного населения создает собственную «этническую нацию» и открывает ее историю»¹⁰⁷.

Несмотря на то, что тюркизация шла интенсивными темпами, на момент провозглашения Азербайджанской республики она не создала еще тюркского этнонационального ядра для строительства нового государства. Причина несостоятельности тюркского элемента может служить в качестве одного из возможных объяснений того, почему создатели Азербайджанской Республики проектировали новое государство, опираясь на религиозную, а не на этнолингвистическую основу. Этнический контекст первоначального проекта Азербайджанской Республики исторически точно описан Цуциевым: «В проектируемом размежевании Закавказья *Мусават*¹⁰⁸ представляет Азербайджан состоящим из всех территорий со значительным мусульманским населением. В частности, сюда включаются, помимо, районов с тюркоязычным населением, территории с грузинским (Аджария и Месхетия), аварским (Закаталы) и курдским населением, а также

часть территорий Дагестанской области. Другими словами, начальный проект Азербайджана – это многоэтническое государство закавказских мусульман (татары/азеры и другие группы тюркоязычного населения, курды, аджарцы, таты, талыши, ингилойцы и др.) со значительными христианскими меньшинствами (грузины, армяне и др.). Категория «азербайджанец» в рамках такого проекта не несет узкой этнической/языковой коннотации»¹⁰⁹.

В принципе, «религиозный подход» был нужен Мусавату в качестве почвы для поддержки территориальных претензий новосозданного государства Азербайджан к своим соседям.

Вопросы этногенеза азербайджанских тюрков (впоследствии, азербайджанцев) в период Азербайджанской Республики (1918–1920 гг.) следует рассматривать на фоне политических событий того периода. Республика создавалась как османский-пантюркистский геополитический проект. В этой связи интересны замечания командующего британскими войсками в Закавказье генерал-майора В. Томсона. В ответ на предложение признать независимость Азербайджана, он ответил, что «не признает «Азербайджанского правительства», сформированного при Нури-паше и заключившего союз с Турцией», так как это правительство состоит из представителей одной из местных национальностей»¹¹⁰. Тем самым, Томсон указывал на отсутствие легитимности у азербайджанских тюрков (закавказских татар) для выступления от имени не только всех мусульман Закавказья, но и христиан и евреев, составляющих около половины населения на территориях, объявляемых Азербайджаном. Негативное отношение Томсона к идее независимости Азербайджана ярко представлено также в его высказывании, упомянутом азербайджанским историком Э. Исмаиловым. Наотрез отказавшись признать независимость Азербайджана, Томсон мотивировал свою позицию тем, что «под именем республики Азербайджан нам известно лишь правительство, созданное интригами тюрков, не имеющее никакой опоры в народных массах»¹¹¹. Под словосочетанием «интриги тюрков» следует понимать пантюркистскую программу, которая подразумевала поглощение Турцией тюркоязычных народов Закавказья и Средней Азии и формирование Великого Турана. Для этого было необходимо: 1) захватить у Персии ее северную провинцию Адербейджан (древнюю Атропатену); 2) уничтожить Армению и армянский элемент, который пантюркисты воспринимали (да и теперь воспринимают!) как клин между Турцией и тюркоязычным народонаселением Закавказья и Средней Азии.

Важным этапом этой программы стало уничтожение турецких армян в ходе Первой мировой войны. Османская империя организовала Геноцид, истребив более полутора миллиона армян в Западной Армении. После отступления русской армии на Кавказском фронте Турция сразу же ввела свои войска в Закавказье. Выбранное для новосозданного марионеточного государства название «Азербайджан» было не случайным. Оно имело далеко идущие цели – захват и отторжение одноименной персидской провинции и ее присоединение к мусаватистскому Азербайджану. Ныне профессор Колумбийского университета (США) Т. Свентоховский замечает по этому поводу следующее: «До этого редко употреблявшийся географический термин «Азербайджан» стал названием государства народа (перевод Фурмана. – Т.В.), который именовал себя татарами, мусульманами или тюрками Закавказья»¹¹². Использование названия персидской исторической провинции Атропатена / Адербейджан для нового государства в Закавказье, естественно, не могло оставить Персию равнодушным. Когда персидское консульство в Стамбуле летом 1918 г. получило текст декларации о провозглашении независимости Азербайджана, «сотрудники консульства, положив все эти документы в один пакет, вернули их обратно с сопроводительным письмом, в котором подчеркивалось, что иранское правительство не признает независимого государства под названием Азербайджан»¹¹³. Более того, Персия направила ноту протеста, в которой объявила территорию новосозданного Азербайджана своей неотъемлемой частью.

Тюркское самосознание закавказских тюркоязычных мусульман, усердно подпитываемое со стороны Османской империи, выросло на фоне бурных политических событий 1918 года. В этот период османские войска оккупировали часть Закавказья. Среди азербайджанских тюрков усилилась протурецкая политическая ориентация, которая проявилась наиболее отчетливо через движение так называемых илхагистов (объединитель) – сторонников присоединения Азербайджана к Турции. Так, председатель правительства Республики Азербайджан Фатали Хан-Хойский в Елизаветполе, по поводу вхождения в город в мае 1918 г. турецких войск под командованием генерала Нури-паши, сказал: «Наконец-то турки Азербайджана достигают своей цели. Они попадают в объятия своего любимого Османского халифата. Наконец осуществляется вековой идеал всего магометанства – соединение всех мусульман под знаменем султана»¹¹⁴.

Относительно протурецких настроений в среде бакинских татар в условиях наступления турецких войск и захвата города Баку в сен-

тябре 1918 года, Н. Лишин – бывший офицер Балтийского флота, оказавшийся тогда в центре военно-политических событий на Каспийском море, писал: «Стрельба по городу становилась все серьезнее. Фронт приближался. В городе начала появляться усиливающая нервность, особенно среди армян. По слухам, бакинские татары готовились к новой армянской резне. Было очень похоже на то, что татары ждут взятия города турками с нетерпением. Говорили, что в войсках Нури-паши находится много бакинских татар»¹¹⁵. Далее автор представляет бесчинства, учиненные турецко-татарскими войсками в городе Баку: «Подробности хозяйничанья турок и татар в первые дни по взятии города стали нам известны впоследствии. Особенно ужасна была участь русских и армянских девушек. Насилия и убийства сопровождалась страшной жестокостью»¹¹⁶. Эти дни автор охарактеризовал как период турецко-татарского нашествия¹¹⁷ на город Баку, новопровозглашенную «Азербайджанскую республику» – «турецким дитятей»¹¹⁸, а его правительство – «смехотворной и бутафорской коалицией»¹¹⁹. Эти оценки современников свидетельствуют, что республика создавалась как османский-пантюркистский геополитический проект, что провозглашение независимости Азербайджана не является, как утверждает А. Балаев, «реализацией идеи азербайджанской нации-государства»¹²⁰. На момент провозглашения независимости в среде азербайджанских турок пока не наблюдается глубокое осознание своей самобытности, сохранение которого возможно лишь в условиях суверенного государства.

Как известно, в январе 1920 г. на Парижской мирной конференции по инициативе Великобритании западные державы де-факто признали независимость Азербайджана (также Грузии). Азербайджанский исследователь Исмаилов признается, что все-таки это был скорее «прямой результат поражения армии Деникина и нарастания угрозы распространения большевизма на Ближнем и Среднем Востоке»¹²¹. А с точки зрения российских интересов такой шаг недавних союзников России Н. Лишин оценивает как «победу английской политики, цель которой нанести сознательную рану России»¹²².

Итак, формирование государства под названием Азербайджан главным образом было обусловлено совпадением политических интересов Турции и западных держав во главе с Англией, которые были заинтересованы в создании буферной зоны перед усиливающейся большевистской Россией.

Хотя на момент провозглашения Азербайджанской республики ее создатели апеллировали в основном религиозным фактором, впо-

следствии нацистроительство там проводилось под знаменем тюркизма. Так, в республике официальным языком был провозглашен (закавказский) «тюркский», также внедрен учебник по «Истории тюркских народов». Посредством ряда мероприятий и официальной риторики укоренялось сознание принадлежности всего населения Азербайджана к тюркскому метазтносу. В статье «О независимости Азербайджана» от 1919 года Гасан бек Агаев провозглашал: «Тюркский народ купил свободу ценой крови своей и с этой свободой не расстанется»¹²³. Тюркизация происходила, несмотря на то, что в стране проживали как нетюркоязычные группы, так и христиане.

4. ОТ ТЮРКИЗМА К АЗЕРБАЙДЖАНИЗМУ

Многие современные азербайджанские авторы (Балаев А., Исмаилов Э. и др.) связывают возникновение идеи о самобытности азербайджанских тюрков главным образом с деятельностью М.Э.Расулзаде, называя его автором проекта азербайджанской нации. В начале века симпатии Расулзаде были явно на стороне социал-демократов, однако позже его мировоззрение эволюционизировало в идеологию «романтического пантюркизма». В 1913 г. вернувшись из Стамбула в Баку, он активно включился в полемику о языке между сторонниками внедрения османского языка (османчилар) и их противниками, считающими необходимым формирование литературного языка на основе местного диалекта (*азеричилар*). Расулзаде выступал против внедрения османского языка, который, по его мнению, нуждается в очищении от арабских и персидских заимствований. Но он считал неприемлемым и вторую позицию, которая противоречила идее единения тюркских народов. Расулзаде предложил пойти по третьему пути – формирования нового очищенного тюркского языка, который смог бы объединить все тюркские народы.

Его выступления против внедрения османского языка главным образом были обусловлены тем, что после поражения Турции в первой Балканской войне 1912–1913 гг. многие тюркские интеллектуалы разочаровались в идее пантуранизма, отныне Турция уже не воспринималась в качестве объединителя тюркского мира.

Годы Первой мировой войны стали для Расулзаде своего рода периодом разочарования и поиска новых путей. Вместе с тем, он видел, что азербайджанские тюрки все еще находятся в условиях доминирования религиозного сознания и ставят знак равенства между понятиями «нация» (миллет) и «умма» (исламская община). Расулзаде в своих работах стал объяснять, что нация не может основываться только на религиозной общности, что все мусульмане не могут быть одной нацией.

Тот факт, что Расулзаде выступал против внедрения османского языка, дает некоторые основания говорить о нем как о стороннике

идеи самобытности азербайджанских тюрков. Но нельзя забывать, что он также был сторонником идеи единения тюркского мира, хотя уже и не считал Турцию центром этого движения. Расулзаде в работе «Национальное бытие» (1914) писал, что азербайджанские тюрки являются не нацией, а лишь национальностью, так как еще не осознали свою общность. По мнению А.Балаева, «значимость [этой] работы М.Э.Расулзаде состоит в том, что в момент ее публикации у азербайджанских тюрков не было даже общепринятого этнонима и лингвонима»¹²⁴. Но и после публикации этой работы параллельно с азербайджанскими тюрками использовались и прежние названия – «мусульмане», «кавказские тюрки», «закавказские татары», «татары» и пр., т. е. ни один из них не стал общепринятым.

В мае 1917 году на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве Расулзаде открыто выступил в пользу политической децентрализации тюркского мира при условии сохранения культурного единства. Видимо, он уже понимал, что автономия, хотя и в составе России, создаст определенные условия для формирования национального самосознания, поэтому можно сказать, что в преддверии независимости 1918 г. он был близок к идее восприятия азербайджанских тюрков как отдельной этнонациональной единицы. Но сама идея не стала элементом общественного сознания ни в период независимости 1918–1920 гг., ни даже в постсоветскую эпоху (об этом будет сказано ниже). Т.Свентоховский пишет: «Хотя языковая русификация прекратилась, согласия относительно того, что является родным литературным языком, все еще не было достигнуто. Отзвуки дебатов между приверженцами *азерджилара* и оттоманизаторами все еще были слышны, при этом примечательно, что взгляды последних превалировали среди создателей новой мусаватистской программы. В принятой в декабре 1919 года программе провозглашалось, что обязательным в школах Азербайджана должно стать обучение на «оттоманском диалекте»¹²⁵.

Доминирующая часть элиты закавказских тюркоязычных мусульман была приверженцем пантюркистской концепции. Поэтому нельзя быть уверенным в том, что дальнейшее существование протурецкой Азербайджанской республики обязательно привело бы к формированию общности с отдельным этническим сознанием. Лишь советизация Азербайджанской республики в апреле 1920 г. прервала османизацию/туркификацию ее мусульманской тюркоязычной элиты и ее населения, положив начало новому этнопроекту, который основывался на идее самобытности азербайджанских тюрков.

Стремление советского руководства укрепить свои позиции и одновременно ослабить влияние Турции в Азербайджане создало необходимость де-тюркизации общественного сознания. Как пишет Э. Исмаилов, есть основания предполагать, что Сталин в январе 1936 г., во время встречи с делегацией представителей трудящихся Азербайджана с руководителями ВКП(б) и Советского правительства в Кремле, выразил желание, чтобы азербайджанцы перестали себя считать тюрками и начали записываться азербайджанцами, а «выразил он это мнение как будто весьма деликатно, сказав: «Я не понимаю, почему в Грузии живут грузины, в Армении – армяне, а в Азербайджане – тюрки». «Непонятливому» Сталину, естественно, все было понятно. Ему уж очень не хотелось, чтобы название народа напоминало его представителям об их близком этническом родстве с жителями Турции»¹²⁶.

Не исключено, что в планы Сталина по конструированию азербайджанского этноса входили и экспансионистские цели по отношению к одноименной иранской провинции Азербейджан (исторической Атропатены). Эти намерения открыто проявились в ходе Великой Отечественной войны, когда еще в августе 1941 г. советское руководство ввело войска в северные районы Ирана, в том числе Азербейджан, целенаправленно проводя там просоветскую агитацию. При советской поддержке, в ноябре 1945 г. в Тавризе было сформировано Азербайджанское национальное правительство во главе с Сеид Джафаром Пишевари. Лишь в 1946 г. под давлением США и Англии советское руководство вывело свои войска из Ирана, подписав с ними договор о предоставлении СССР концессии на разведку и добычу иранской нефти. Многие представители марионеточного правительства новосозданной автономии бежали в СССР, а оставшиеся в Иране тысячи активистов были арестованы, расстреляны и повешены¹²⁷. Среди бежавших был и Пишевари, который в июле 1947 г. при невыясненных обстоятельствах погиб в автокатастрофе.

В контексте тех же экспансионистских целей советского руководства следует рассматривать и внедрение названий «Северный Азербайджан» и «Южный Азербайджан» по отношению соответственно к Советскому Азербайджану и к иранской провинции Азербейджан. В те годы «академические» круги стали культивировать миф о «несправедливо» разделенной между СССР и Ираном Родине азербайджанцев. В своем аутентичном значении северный Азербайджан – это северная часть иранской провинции Азербейджан, не входящая в территорию Закавказья. Из множества исторических свидетельств

приведем слова служащего на Кавказском военном округе капитана Л. К. Артамонова из его книги «Северный Азербайджан»: «В 1889 году осенью, в силу служебных обстоятельств, мне удалось посетить северную половину персидской провинции Азербайджана»; «на севере Азербайджан соприкасается с нашим Закавказьем»¹²⁸. Добавим, что тезис о якобы разделенной на две части Родине азербайджанцев усиленно пропагандируется в современном Азербайджане и совершенно естественно наталкивается на жесткое противодействие политических и академических кругов Ирана.

Во всесоюзной переписи 1926 г. все еще фигурировало название «тюрки», в некоторых советских изданиях 1920-х – начала 1930-х гг. встречается форма «азербайджанские тюрки»¹²⁹, но уже в переписи 1939 г. официально вводится название «азербайджанцы». «Директива» И. Сталина о том, что отныне население Азербайджана – по национальности азербайджанское¹³⁰, ознаменовала начало проекта по формированию новой этнической идентичности. Как пишет А. Алекперов, «название азербайджанцы получило широкое употребление среди азербайджанского населения лишь с 1936 года»¹³¹. Таким образом, можно заключить, что конструирование этноса, имеющего название азербайджанского, началось по директиве Сталина.

Новый советско-азербайджанский этнопроект конструировался, отторгаясь от тюркской. В духе новой конъюнктуры историкам, публицистам и другим представителям интеллигенции следовало внедрить в общественное сознание тезис о том, что азербайджанцы – не тюрки, а вполне самостоятельный народ, входящий в братскую семью народов СССР, и что «в XIX – начале XX вв. азербайджанцев в исторической литературе и официальных документах неправильно называли тюрками, татарами»¹³². Азербайджанский советский историк А. Алекперов в контексте советской идеологической пропаганды отмечает: «До этого времени [1936 г.] вместо азербайджанцы употреблялось название *тюрки*, что было связано с контрреволюционной деятельностью пантюркистов, мусаватистов, панисламистов и прочих врагов азербайджанского народа, поддерживавших годами это чуждое для азербайджанцев название»¹³³, а далее представляет более научное объяснение: «Название тюрки никогда не приписывалось какому-либо определенному народу, а всегда играло роль собирательного названия для целого ряда тюркоязычных племен, точно так же, как объединяющее название *славяне*»¹³⁴. Так, идентичность снова стала дрейфовать, но теперь уже от тюркского самосознания к азербайджанскому этнопроекту.

Если к этим процессам подойти с позиций сторонников азербайджанской самобытности и противников их ассимиляции в тюркском мире, то следует признать, что политика советских властей в сфере нацистроительства сыграла позитивную роль. В эпоху «советского колониализма» азербайджанцам удалось решить ряд важных задач: 1) благодаря пропагандируемому советской идеологией атеизму во многом был преодолен внутррелигиозный раскол между шиитами и суннитами; 2) с помощью литературных произведений, учебников по истории, официальных коммемораций, массового искусства (прежде всего, кино) стало формироваться отдельное «азербайджанское самосознание»; 3) советская национальная политика по усилению в республиках позиций титульных наций, по сути, способствовала «азербайджанизации» населения Советского Азербайджана. Такая политика, вместе с идеологической метафорой о «Дружбе народов СССР», на довольно длительное время предотвратила формирование самостоятельных этнопроектов для других этнонациональных групп (татов, талышей, лезгин, курдов и т. д.), проживавших в Азербайджане.

Особенно важное место в формировании новой азербайджанской этнической идентичности занимает советская политика коренизации, провозглашенная на XII съезде РКП(б) в 1923 году. В резолюции съезда по национальному вопросу говорится о необходимости «проведения в национальных республиках политики коренизации, то есть обеспечения в них приоритета национальных языков, широкого использования их в делопроизводстве всех советских учреждений, средствах массовой информации, культурно-просветительных учреждениях, первоочередного выдвижения на руководящие посты лиц коренной национальности, свободно владевших своим родным языком»¹³⁵. Коренизация проводилась в четырех направлениях, жизненно важных для нацистроительства. Она способствовала формированию национального языка, национальной территории, национальной элиты и национальной культуры. Благодаря политике коренизации советская власть должна была стать «родной», «близкой», «народной» и «понятной» для всех наций и национальностей Советского Союза.

В начале 1920-х гг. Советский Азербайджан отказался от арабского шрифта и перешел на латиницу, а в 1939-м году на кириллицу. Интенсивно стал развиваться азербайджанский язык, ставший одним из основных механизмов ассимиляции этнических меньшинств, населяющих республику. В XIX в. ираноязычные группы, в частности

таты, составляли большую часть населения Апшеронского полуострова и особенно Баку (см. «Этнографическую карту Хогарта», 1902 г.). Однако, в XX в. значительная часть ираноязычных групп была тюркизирована/азербайджанизирована. По поводу татов азербайджанский историк А. Мамедов замечает: «Распространение азербайджанского языка значительно сузило сферу функционирования татского языка, который стал бытовым языком сельской местности. Значительные изменения произошли в этническом самосознании татов. Многие считают себя азербайджанцами и во многом утратили татский язык. По данным переписи 1989 г. численность татов составила 10 тыс. человек. Необходимо подчеркнуть, что таты – одна из тех этнических групп Азербайджана, которая в наибольшей степени подвержена ассимиляционным процессам. Это особенно характерно для городских татов»¹³⁶. Представляя демографические процессы в Азербайджанской ССР, доктор исторических наук Г. Степанян заметил: «Политика ассимиляции аборигенных мусульманских народов [Азербайджанской ССР] с особой жестокостью проводилась по отношению к татам. Этот процесс стал так очевиден, что авторы Большой Советской энциклопедии (1929) зафиксировали: «Значительная часть персов (татов), проживающих в Азербайджане, настолько тюркизировалась, что количество тюрков можно посчитать уже более 60% всего населения республики»¹³⁷.

Схожая картина и в случае с ираноязычными талышами. Уже в 1960-е годы советские академические издания фиксируют: «Хотя талышский язык дожил до наших дней, территория его распространения все более сужается, не говоря уже о том, что теперь почти все талыши стали двуязычны, владея наряду со своим языком, также и азербайджанским, ставшим для них как бы вторым родным языком... По переписи 1926 года, в Советском Азербайджане насчитывалось 77 039 талышей. По переписи 1959 г. талыши статистикой не выделены»¹³⁸.

В годы коренизации формировалась национальная – «азербайджанская» интеллигенция, ядром которой, также как и ядром «советского азербайджанского народа» оставался тюркский элемент. Для формирования национальной элиты в 1932 г. азербайджанцев внесли в официальный список «культурно отсталых» национальностей, имеющих право на льготы при поступлении в университеты (армяне и грузины не вошли в этот список)¹³⁹.

В период начального этапа коренизации (1923–1926) открыто практиковалось смещение с руководящих постов русских и остальных

представителей нетитульного народа. Как отмечает профессор Гарвардского университета Терри Мартин, «русские в целом были недовольны политикой коренизации, но особенно испортило межэтнические отношения открытое замещение русских коренными жителями. Во время съезда компартии Азербайджана один из делегатов сообщил, что русские говорят: «Почему меня уволили и на мое место посадили азербайджанца? Чем он лучше меня?»¹⁴⁰.

В целом темпы коренизации в Азербайджане были высокими. В период с 1926-го по 1939 г. уровень коренизации составил +22,9%, что намного выше уровня соседней Грузии (+8,8). А что касается Армении, то здесь наблюдается уникальный случай в истории советской политики коренизации, когда на тот же период зафиксировано отрицательное сальдо (-7,5)¹⁴¹. Это означает, что в Армении практиковался обратный процесс, т. е. декоренизация именно тогда, когда по всему Советскому Союзу коренизация набирала стремительные обороты. Такое положение можно объяснить как более моноэтническим составом Армении, так и советской политикой «уравниловки», когда отстающим народам следовало помогать в этнонациональном становлении, чтобы сокращать разницу в темпах развития с более развитыми соседями.

Несмотря на высокие темпы коренизации в Азербайджане в 1930 г. элита еще оставалась полиэтнической. Представим сравнительные данные трех национальных республик Закавказья по числу членов титульных наций в рядах компартии.

Таблица 1
Этнонациональный состав руководящей партии на 1930 год¹⁴²

	общ. число коммунистов	представители титульной нации	русские	кол-во др. национальностей
Азербайджан	39 892	15 709	13 254	10 902
Грузия	34 705	22 420	3 199	9 086
Армения	12 279	10 941	393	945

Сконцентрировавшись в столице, бакинская элита вначале по характеру была космополитичной, а по составу – полиэтнической, впрочем как и сам город. В годы коренизации азербайджанская/тюркская составляющая в среде бакинской элиты и партийного состава

постепенно увеличилась. Так, в 1924 г., еще до начала коренизации, председатель совета профсоюзов Закавказской федерации Левон Мирзоян в своем выступлении на XIII партконференции в Баку говорил: «Если взять город Баку, то там население разное, и только 31–32 % составляют тюрки. Тюркская часть бакинского пролетариата составляет всего 10%, а остальные – это представители разных народов»¹⁴³. Но далее уже началась «азербайджанизация» Баку. Азербайджанский исследователь С. Румянцев пишет: «1960–1970-е гг. принято считать временем радикального изменения этнического состава населения города в пользу азербайджанцев. В Баку хоть и довольно медленно и неоднозначно, но развивается процесс трансформации из мультиэтнического... города в столицу будущего национального государства с гораздо более гомогенным в плане этнического состава населением, чем период с конца XIX, первой половины XX в. В этом, несомненно, было что-то от официальной политики Москвы, проводившейся в союзных республиках»¹⁴⁴.

Также поощрялось становление национальной культуры под девизом – «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Сталин говорил: «Мы выступаем за покровительственную политику в отношении развития национальных культур отсталых национальностей»¹⁴⁵.

В процессе конструирования азербайджанской идентичности большое место было уделено истории. Именно в этот период происходит становление азербайджанской историографической школы, которая была призвана придать легитимность новой идентичности, «выявить» ее примордиалистские истоки (один их ярких примеров – это нарратив об Азохской пещере, о котором было упомянуто выше). Для этой цели широко применялась практика *ложной идентификации* или искусственной «азербайджанизации» того или иного исторического деятеля, а также всего мусульманского населения Восточного Закавказья. Так, по заказу лично товарища И. Сталина и азербайджанского партийного руководства, академические круги стали представлять персидского поэта XII века Низами Гянджеви как «этнического» азербайджанца. В Баку соорудили памятник великому «азербайджанскому» поэту, устраивали юбилеи в его честь. Этим они стремились доказать тезис о древности «азербайджанского этноса». Известно, что Низами писал на персидском языке, его стихи пронизаны персидским менталитетом¹⁴⁶. Видный советский востоковед, академик И. М. Дьяконов писал: «[Низами] был не азербайджанский, а персидский (иранский) поэт, хотя жил он в ныне азербайджанском городе

Гяндже, которая, как и большинство здешних городов, имела в средние века иранское (добавим – и армянское. – Т.В.) население»¹⁴⁷. Когда появились трудности с азербайджанизацией Низами, тогда конструкторам «древнего азербайджанского этноса» снова пришел на помощь товарищ И. Сталин. Он предложил культивировать тезис о том, что якобы Низами желал творить на турецком языке (под которым подразумевался азербайджанский), а персидские власти заставляли его писать на персидском¹⁴⁸.

Видный деятель первой половины XIX века Аббас-Кули-ага Бакиханов был провозглашен основоположником азербайджанской историографии наперекор тому, что главное его творение написано на персидском языке. А. Агаев упоминается как первый азербайджанец [студент] в Сорбонском университете, хотя на начальном этапе своей деятельности он отзывался о персидской культуре как о своей. Али Мардан бек Топчубашев «превратился» в первого ученого-азербайджанца¹⁴⁹ наперекор тому, что в личных документах он зафиксирован как *Персианин* и т.д. В процессе исторического «поиска и нахождения» этнических азербайджанцев тщательно обходили стороной решающий фактор при определении этничности этих деятелей – их самоидентификацию.

С целью презентации себя в качестве народа с древнейшей культурой и историей представители советской азербайджанской историографической школы стали превращать в «этнических азербайджанцев» всех тех исторических деятелей, которые когда-то жили на территории современного Азербайджана или исторической Атропатены независимо от их самоидентификации – религиозной и лингвистической принадлежности. «Азербайджанизации» подверглись даже кавказоязычные (!) христиане (!) – кавказские албанцы. Более того, с легкой руки небезызвестного фальсификатора истории З. Буниятова¹⁵⁰ через «албанизацию» в азербайджанцев превратились даже видные представители средневековой армянской культуры – историки Мовсес Каганкатвацци (X в.) и Киракос Гандзакецци (XIII в.), а также составитель Армянского судебника Мхитар Гош (XII–XIII вв.)¹⁵¹.

По этому поводу В. Шнирельман пишет: «Самым излюбленным занятием азербайджанских авторов стало переименование средневековых армянских политических деятелей, историков и писателей, живших и творивших в Карабахе, в албан. Так, со временем Мовсес Каганкатвацци, писавший на армянском языке, превратился в албанского историка Моисея Каланкатуйского... Та же участь постигла армянского князя Сахля ибн-Сумбата (армяне предпочитают назы-

вать его Сахлом Смбацяном), ставшего не то албаном, не то азербайджанцем»¹⁵².

Один из самых эффективных индикаторов по установлению способов конструирования этничности – это школьные учебники. Так, в советском учебнике по истории Азербайджана приведена цитата из М. Горького, посвященная Баку. Революционер и писатель М. Горький в 1928 г. пишет: «В Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 годах. Нефтяные промыслы остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада... Скрипит буровая машина, гремит железо под ударами молота. Всюду суетятся рабочие: турки (азербайджанцы. – *Ред.*), русские, персы (имеются ввиду азербайджанцы из Южного Азербайджана. – *Ред.*) роют лопатами карьеры, канавы во влажном песке, перетаскивают с места на место длинные трубы, штанги, тяжёлые плиты стали»¹⁵³. В тексте М. Горький использует этнонимы турки и персы. Автор же учебника «разъясняет» ученикам, что турки – это азербайджанцы, персы – тоже азербайджанцы, только из Южного Азербайджана. Но как ученику понять, почему в одном случае в «азербайджанцев» превратились турки, а в другом – персы? Такие непонятные и нелогичные метаморфозы, естественно, могут создавать неопределенность в самовосприятии целых поколений, которые вынуждены просто механически заучивать заданный им текст. Именно так – на основе некритического восприятия прошлого и формируются эндостереотипы¹⁵⁴.

5. О КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАХ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

В предыдущем исследовании вопросов самоидентификации тюркоязычных мусульман Восточного Закавказья мы в основном базировались на выявленных фактах многочисленных и разнородных названий, использованных по отношению к ним в XVIII – начале XX в. Отсутствие общепринятого этнонима само по себе уже является индикатором все еще несформировавшегося этнического самосознания. Но среди основных признаков этноса, наряду с этнонимом, существуют и такие, как чувство солидарности, культурной гомогенности, ассоциации с определенной территорией, сознание общности судьбы, истории и т. д.

Исторические материалы указывают на отсутствие в среде тюркоязычных мусульман Закавказья и этих характеристик вплоть до начала XX в. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона от 1902 г. они описываются так: «Татары азербайджанские – турки по языку, по расе иранцы... По обычаям и внешнему быту напоминают персов, влияние которых сказывается во всем»¹⁵⁵. То же самое подтверждает и несколько более ранний источник: «Татары Бакинской губернии, даже сунниты, в нравах и обычаях более сходны с иранцами (персиянами), чем с турками. Весь склад их мыслей, образование, поверия (насколько они нам известны) заимствованы из Персии»¹⁵⁶.

До конца XIX – начала XX в. из-за доминирования мусульманского сознания шиитского толка общество консолидировалось посредством религиозных ритуалов и праздников. В их ряду самым распространенным был Магеррам (или Шахсей-вахсей) – оплакивание имама Хусейна, сына Али, во время которого шииты наносили себе телесные повреждения. Американский исследователь Майкл Смит так описывает эти дни: «Раз в год в Магеррам благочестивая мусульманская беднота из индустриальных районов Баку поминала мученическую кончину Хусейна и устраивала в этой связи театрализованные представления столь же эмоционально, как и их братья-шииты в дру-

гих частях мусульманского мира... На городских улицах появлялись процессии мужчин, бичующих себя цепями и хлыстами или наносящих себе режущие удары острыми лезвиями под убыстряющийся ритм «шахсей, вахсей» – «Шах Хусейн, ва Хусейн» (Господин Хусейн! увы, Хусейн!), в сопровождении плачущих и поющих женщин и детей»¹⁵⁷. Дубровин свидетельствует, что шииты Закавказья так масштабно и фанатично оплакивали Хусейна, «что в эти дни сюда приезжали даже персы»¹⁵⁸. Интересно, что руководители Азербайджанской республики (1918–1920) стремились использовать шиитское сознание в целях гражданской и политической консолидации общества, хотя, как показывает М. Смит, потерпели неудачу. По его словам, религиозные чувства не переросли в настоящий национализм¹⁵⁹.

Консолидирующими этнос элементами являются также народные эпосы, легенды, мифы о прошлом. Из следующего описания С. Броневского, представляющего жизненные устои закавказских татар в XIX в., можно заключить, что их народный эпос был иранским: «Чтение Алкорана и толкование одного вменяется, сколько в обязанность ревностного мусульманина, столько же и в похвалу его учености; для забавы же читают известную баснословную повесть о Персидском богатыре Рустаме, и тем ограничивается круг просвещения лучших людей в Дагестане и Ширване»¹⁶⁰. Лишь по мере этнизации сознания уже в XX в. персидский эпос постепенно замещается тюрко-гузским «Деде Коркуд», распространенным также среди казахов, туркмен, каракалпаков, турок, башкир и т. д. В советских учебниках по истории Азербайджана эпос «Деде Коркуд» упоминается поверхностно¹⁶¹, но уже в постсоветских изданиях ему посвящаются целые страницы. Более того, в постсоветскую эпоху в Нахичеване сооружается памятник «Деде Коркуду».

Профессор Чикагского университета Х. Шисслер представляет культурные основы этнической идентичности, которую пыталась конструировать зарождающаяся тюркская элита в начале XX в., следующим образом: «Агаоглу и его соотечественники располагали неким количеством культурного материала, из которого можно было выковать новую идентичность: ислам в целом, шиизм, культурные, религиозные и прежние территориальные связи с Ираном, лингвистические узы с Османской империей и другими тюркоязычными мусульманами Российской империи»¹⁶².

Важным признаком этноса являются также чувство солидарности и сознание общности судьбы. Об их отсутствии в среде тюркоязычных шиитов Закавказья в начале XX в. говорит и А. Агаев. В ходе

армяно-татарских столкновений 1905–06 гг. он писал: «Именно благодаря этим столкновениям все татары Закавказья стали понимать, что они принадлежат одному роду и связаны друг с другом тесными узами, что нет никакой разницы между татарами, будь то в Нахичеване или Баку»¹⁶³. Очевидно, что Агаев говорит о шиитах, так как татары-сунниты не участвовали в столкновениях. Уже тогда он прекрасно понимал, что образ врага в лице армян может послужить импульсом для консолидации общества и формирования этнических признаков.

Для этноса характерна также ассоциированность с определенной территорией, воспринимаемой в тесной связи с чувством Родины. Рассмотрим также и этот признак. Т.Свентоховский, упоминая о Мирзе Фатали Ахундзаде (1812–1878), замечает: «Без какого-либо «раздвоения личности» он сочетал более широкую иранскую идентичность с идентичностью азербайджанской, употребляя термин «ветен» (родина) – для обозначения обеих стран»¹⁶⁴. Попытка Свентоховского «сгладить» очевидную аморфность в представлениях Ахундзаде о Родине выглядит крайне неубедительной, так как понятие о Родине бывает, как правило, в единственном числе. В противном случае, мы имеем дело с неконсолидированной идентичностью.

Позднее формирование чувства Родины у закавказских татар (ныне азербайджанцев) отмечает и российский историк-этнолог В. Шнирельман. Ряд его явно ненаучных рассуждений об армянской истории никак не позволяет считать его объективным или, более того, проармянским исследователем¹⁶⁵, но сравнивая восприятие Родины азербайджанцами и армянами, он делает следующее справедливое замечание: «Для армян отчизна (арм. *hairunik*) тесно ассоциируется с местом, где жили предки, причем причастность к общей истории смыкается с чувством территориального единства»¹⁶⁶. А для азербайджанцев «важна не столько история, сколько территория обитания (азерб. *vatan*)»¹⁶⁷. В числе факторов, являющихся причиной подобного восприятия Родины, следует упомянуть и традиционно полукочевой образ их жизни в рассматриваемый период. Добавим, что одной из причин конфликта между армянами и татарами в ходе столкновений 1905–1906 гг. было именно кочевничество татар, которое наносило огромный экономический урон армянским оседлым хозяйствам.

Признаки этничности стали внедряться в сознание закавказских татар только в течение XX века, и особенно в период советского национал-строительства. Исследователи современных азербайджанцев часто представляют их в качестве общности, возникшей в результате слияния двух культур и двух идентичностей – персидской и тюркской.

Так, американская исследовательница Ш. Хантер отмечает, что генетически азербайджанцы результат «слияния персидского и тюркских народов: по языку – тюрки, по религии – в основном мусульмане-шииты», а с точки зрения культуры – «носители тюрко-иранского смешанного наследия»¹⁶⁸.

О бикультурности или даже мультикультурности современных азербайджанцев говорит и турецкий социолог Дж. Токлуоглу. Базируясь на проведенных в постсоветском Азербайджане интервью с видными политическими и общественными деятелями¹⁶⁹, автор указывает на отсутствие культурной гомогенности в их среде. Автор упоминает о наличии ряда культурных пластов, прежде всего – тюркского, персидского, русского/советского, поэтому иногда использует такие понятия, как мультикультурность и смешанная (*mixed*) культура.

6. МЕЖДУ ТЮРКИЗМОМ И АЗЕРБАЙДЖАНИЗМОМ

В постсоветскую эпоху азербайджанская идентичность снова вступила в дрейфующую фазу. Теперь уже общество встало перед выбором между вновь всколыхнувшимся этническим тюркизмом и, по сути, все еще государственным азербайджанизмом.

Дело в том, что, хотя в советскую эпоху в Азербайджане были отмечены ощутимые успехи в «азербайджанизации» как тюркоязычных, так и ираноязычных и кавказоязычных этнических групп (курдов, талышей, татов, ингилойцев, лезгин и т. д.), их окончательной гомогенизации на основе концепции азербайджанизма достичь так и не удалось. К моменту распада Советского Союза этническая самоидентификация «я – азербайджанец» присутствовала лишь у части населения, да и то, как будет показано ниже, в довольно неоднозначном понимании. Между тем, значительная часть населения постсоветского Азербайджана воспринимала свое «азербайджанство» скорее как гражданскую принадлежность.

В конце 1980-х и в начале 1990-х годов появились некоторые новые, хоть и конфликтогенные, импульсы для консолидации азербайджанского этноса. Характерный почти для всего постсоветского пространства всплеск антисоветских/антирусских настроений стал одним из важных катализаторов этнизации массового сознания. В Азербайджане антирусизм сочетался с крайним антиарменизмом. Вопрос о том, насколько эти процессы шли «снизу вверх» или «сверху вниз» не входит в рамки нашего исследования, но фактом является то, что руководство республики поддерживало эти настроения и успешно использовало их в целях мобилизации общества. И не случайно, что в независимом Азербайджане, начиная с 1992 г., «Днем Национального Возрождения» было официально признано 17-е ноября 1988 г. – день первого антиармянского и антикремлевского/ антирусского митинга в Баку. Сначала в СМИ, в публицистике, а затем и в переизданных учебниках по истории и научной литературе стали культивироваться образы врагов, прежде всего в лице армян, русских, иногда христиан вообще.

В постсоветском Азербайджане резко возросли симпатии к Турции и тюркизму. Возрождению тюркизма способствовало наличие определенного пласта тюркской идентичности, к чему прибавилась протурецкая, «неопантюркистская» политика нового руководства, особенно в период президентства А. Эльчибея (1992–1993). Если в советском Азербайджане государственный язык назывался *азербайджанским*, то в первые годы независимости, когда к власти пришли лидеры Народного Фронта, официальным лингвонимом стал *Turk Dili*, т. е. турецкий язык. Турция в свою очередь была сильно заинтересована в усилении своего влияния на постсоветском пространстве, особенно на Кавказе и в республиках Средней Азии, большинство населения которых представлено тюркоязычными народами. В целом, первая половина 1990-х гг. была периодом пантюркистской эйфории для Турции. Но, по мере того, как становилось ясно, что элиты в этих республиках культивировали самостоятельные этнопроекты, эта эйфория постепенно спала, а отношения Турции с новыми республиками вошли в более прагматичное русло.

Тем не менее, Азербайджан является единственной из этих республик, которая имеет общую (девятикилометровую) границу с Турцией (через Нахичеван) и акцентирует роль тюркизма в политике идентичности. Пришедший к власти в 1993 г. Г. Алиев провозгласил лозунг «один народ – два государства», этим подчеркивая не только политический союз Азербайджана с Турцией, но и, фактически, признавая азербайджанцев и турок единым народом.

После того, как где-то с середины 1990-ых гг. попытки внедрения иранских элементов в концепцию азербайджанской идентичности провалились, ее тюркская составляющая стала преобладающей. Но о полном отсутствии иранского пласта говорить не приходится. Иран стремится поддерживать свое влияние в Азербайджане посредством укрепления устоев шиизма различными действиями и мероприятиями. Например, кабинеты и коридоры Исламского Университета города Баку, открытого еще в 1989 году, но начавшего действовать в годы независимости, пестрят классическими шиитскими символами. Многие книжные магазины Баку получают религиозную литературу из Ирана, посольство Ирана в Баку в рамках культурного сотрудничества поддерживает азербайджанских студентов, желающих получить образование в Иране, действуют шиитские благотворительные фонды и т. д.¹⁷⁰

Вопрос этнической самоидентификации в общественном дискурсе Азербайджана вновь актуализировался с 1990-х годов. Вспыхнувшая

полемика, по сути, стала отголоском прерванной советизацией тюркизации и незавершенной советской «азербайджанизации».

Так, азербайджанский историк, доктор Ф. Алекперли, один из сторонников тюркской самоидентификации азербайджанцев, предлагает в качестве официального этнонима принять термин *азербайджанские тюрки*. Свою позицию он аргументирует выдуманным тезисом о том, что предки азербайджанцев будто бы «именовали себя исключительно «тюрками» (или просто «мусульманами»)»¹⁷¹, а этноним *азербайджанцы* был присвоен им по вине И. Сталина. Хотя, как выше было наглядно показано, до 1930-х гг. общепринятого этнонима не было, тем не менее, Алекперли априори заявляет, что название *азербайджанские тюрки* использовалось сотни лет¹⁷². А чтобы успокоить тех, кто опасается растворения азербайджанцев в тюркском мире, Ф. Алекперли пишет: «...называя себя «тюрком», азербайджанский тюрк не превращается ни в туркоазербайджанского гибрида, ни в стамбульского турка, ни в тюрка-якута. Азербайджанский тюрк не собирается говорить «gəliyoğum» вместо «qəliğət» на манер турецких (стамбульских турок). Он не отказывается ни от своей специфической культуры, ни от языка, ни от фольклора, ни от литературы»¹⁷³. «Восприятие отдельной этнической идентичности начинает появляться только тогда, когда населению присваивается коллективное собственное имя, подчеркивающее единство его частей, и только тогда, когда это имя становится широко признанным членами этого населения, осознающими свое отличие»¹⁷⁴. Этот верный постулат Э. Смита, фактически, все еще не полностью задействован в современной Азербайджанской Республике, что ясно видно из текущей в среде ее интеллектуально-политической элиты дискуссии о самоидентификации.

Заметим, что форма *азербайджанский тюрк*, по сути своей, пример *двойной идентификации*, присущей этническим общностям, находящимся на незавершенной стадии формирования этнического сознания, как, например, донские казаки, турки-месхетинцы, турки-хемшилы и т. д. Это далеко не полный перечень общностей, обладающих аморфными этническими границами. В их этнонимах географические названия часто приписывались в качестве вспомогательного фактора идентификации. Так, азербайджанские (от названия иранской провинции Атропатена/Азербейджан), донские (Дон), месхетинцы (от области Месхети в Южной Грузии), хемшилы (от исторического названия армянской области Амшен). Присвоение же независимому государству Азербайджан и проживающим в нем мусульманам названия иранской провинции было, как уже отмечалось,

политическим шагом с далеко идущими пантюркистскими устремлениями.

Но если этноним «азербайджанские тюрки» будет принят официально, то это может стать причиной внутреннего конфликта, так как в Азербайджане проживают не только тюрки. Подобный шаг конфликтогенен, поскольку может спровоцировать представителей нетюркских меньшинств Азербайджана (талышей, татов, лезгин и т. д.) на формирование собственных этнических контрпроектов.

Второй проект этнонационального строительства в современном Азербайджане – это задействованный еще с 1930-х гг. *азербайджанизм*. Позиция этой концепции усилилась, когда в 1993 г. к власти вернулся Г. Алиев. После долгих дебатов о лингвониме в 1995 г. в результате референдума было решено назвать государственный язык *азербайджанским*. На самом деле, такой исход был скорее результатом волевого решения президента Г. Алиева. Для дальнейшего укрепления позиций *азербайджанизма* официальным указом президента республики от 9-го августа 2001 года был учрежден «День азербайджанского алфавита и языка» и законодательно оформлена следующая модель: «азербайджанский язык – один из тюркских языков; азербайджанский народ – один из тюркских народов»¹⁷⁵. Так, дискурс вокруг соответствующего лингвонима, по всей видимости, разрешился окончательно.

В целом, годы правления Г. Алиева (1993–2003), а также его сына И. Алиева, пришедшего к власти в 2003 г., ознаменовались активной пропагандистской политикой по внедрению концепций *азербайджанизма* в общественное сознание. В качестве основных механизмов использовались и продолжают использоваться язык, история, территория, даже религия. Азербайджанский социолог С. Гусейнова описывает этот процесс так: «Дети в школах обучаются быть националистами и не рассматривать себя как часть мусульманского мира/цивилизации. В этом контексте ислам остается лишь одним из компонентов азербайджанской этничности («наша» религия)»¹⁷⁶. Например, в учебниках по истории механизм этнизации ислама в Азербайджане задействован посредством образа Гейдара Алиева. В нем пророк Мухаммед сравнивается с Гейдаром Алиевым (!), причем в результате последний явно выигрывает: «Гейдар Алиев, как пророк Мухаммед, идеальный человек, но, *вдобавок*, он еще и *этнический азербайджанец* (курсив мой. – Т.В.)»¹⁷⁷. Так, ислам постепенно превращается в этнический компонент, в так называемый «ислам азербайджанского толка».

Той же цели призван служить и сформированный в июне 2001 года Государственный Комитет по вопросам религии. По сведениям турецкого исследователя Б. Балджи, «различные публикации и интервью с официальными представителями государственного комитета указывают на то, что целью режима является придать исламу национальный характер, который не будет находиться ни под турецким, ни под иранским, ни под арабским влиянием»¹⁷⁸.

Концепция «азербайджанизма» традиционно лежит в основе как советской, так и постсоветской азербайджанской историографии, которая зиждется на систематической фальсификации истории. В этом духе в 2010 году азербайджанцами была переиздана антиармянская книга М. С. Ордубади (1911 г.), посвященная армяно-татарским столкновениям 1905–1906 гг. В книге армяно-татарские столкновения названы «армяно-мусульманскими». Но в новом издании термин «мусульмане» был сохранен лишь в заглавии, а в тексте его заменили на неаутентичное для того времени название «азербайджанцы», с целью искусственно экстраполировать современную азербайджанскую идентичность на начало XX века¹⁷⁹.

Ревизионистская «азербайджанизация» истории практикуется и в некоторых западных проазербайджанских академических и периодических изданиях. Так, О. Альштадт¹⁸⁰, упоминая армяно-татарские столкновения 1905 г. употребляет неаутентичный термин «армяно-азербайджанские»¹⁸¹.

Голландский журналист Чарльз ван дер Леу пошел еще дальше. На двойной а-историзм можно столкнуться в следующем его предложении: «Первые вспышки насилия между армянской и азербайджанской общностями в Азербайджане»¹⁸². Во-первых: название азербайджанцы не только применительно к началу прошлого века, но и к современности¹⁸³. Во-вторых: армяно-татарские столкновения происходили не только на территории будущего Азербайджанского государства, а по всему Закавказью. В тот период Закавказье находилось в составе Российской империи, а государство под названием Азербайджан появилось лишь в 1918 г.

Азербайджанская постсоветская историография унаследовала от советской и некоторые «концептуальные» подходы. Так как советское руководство в Закавказье, фактически, признало три титульные нации – армян, грузин и азербайджанцев, то лишь три административно-территориальные единицы получили статус союзных республик. По принципу советской «уравниловки» следовало всеми методами и как можно скорее упразднить существующие различия между этими

тремя титульными народами. В историографии этот принцип отражался еще и таким образом: если история армян и грузин уходит в древность, значит, новоназванных азербайджанцев тоже следует «удревлять». Для этой цели все мусульманское в регионе отождествлялось с азербайджанским. Так как среди упомянутых трех титульных народов, мусульманами были лишь азербайджанцы, следовательно, именно им и приписали историю разноплеменных и разноязычных мусульман Закавказья.

Этот абсурдный подход воспроизводится и в постсоветскую эпоху, причем не только по инерции, но еще и потому, что он соответствует современным политическим заказам бакинского режима. Приведем совсем недавний пример: азербайджанский историк, доктор Дж. Гасанли представляет Карабахское ханство полностью мусульманским и говорит, что оно «включилось в состав Российской империи как мусульманское государство»¹⁸⁴. Автор, игнорируя факт существования многочисленного армянского населения, а также армянских меликств в Арцахе (Карабах)¹⁸⁵, провозглашает всю территорию и население ханства мусульманским, а потом автоматически ставит знак равенства между понятиями «мусульманский» и «азербайджанский». Подобным искажением автор пытается решить политическую задачу, цель которой – объявить Карабах азербайджанской территорией¹⁸⁶.

Известно, что историография в современном Азербайджане находится под пристальным вниманием политического руководства страны. Научным кругам страны даются директивы о том, какой «научный тезис» на данном этапе необходимо «доказать». Выступая в апреле 2011 г. в Академии наук Азербайджана, президент И. Алиев, в частности, инструктировал: «Рад, что наши ученые, *положительно откликнувшись на мой призыв* (курсив мой. – Т.В.), за короткий срок создали прекрасные и основанные на реальных фактах работы, связанные с историей этого [нагорно-карабахского] региона. А главное, особое значение представляют труды, связанные с историей Иреванского ханства, так как мировое сообщество, к сожалению, не знало о том, что нынешнее Армянское государство возникло на исторических азербайджанских землях»¹⁸⁷. Далее уже президент более отчетливо озвучивает собственные «научные гипотезы», которые должны быть «доказаны» историками: «Зангезурский край – это древняя азербайджанская земля, и он искусственно передан Армении», «Нагорный Карабах – это исконно азербайджанская земля». Венцом же выступления президента стал псевдонаучный тезис о том, что «Иреван, как столица Армении, был передан Азербайджанским государством в 1918 г.»¹⁸⁸.

Фальсификация истории, по сути, является серьезным препятствием на пути становления азербайджанской национальной историографии и, к сожалению, большинство азербайджанских историков вынуждены работать в рамках политических заказов.

Тем не менее, несмотря на сильное давление сверху, наблюдаются некоторые попытки освобождения от старых «парадигм» и деконструирования советского нарратива. Так, например, азербайджанский социолог С. Румянцев в одной из своих статей открыто критикует «азербайджанизацию» персидского поэта Низами¹⁸⁹. Хотя и на этот раз полностью отказаться от традиционной «уравниловки» автору не удалось. Так, если раньше азербайджанцев «удревляли», чтобы их историю приравнять с армянской и грузинской, то сейчас идет обратный процесс. Наряду с попытками признания того, что все-таки процесс этнонационального становления азербайджанцев начинается в лучшем случае с конца XIX в., авторы параллельно пытаются перевести армян и грузин в тот же хронологический порядок. Так, тот же С. Румянцев пишет: «Большинство грузин, армян и азербайджанцев еще предстояло сделать национальными сообществами, учитывая «слабость национальной идентичности в Российской империи и Советском Союзе в первые декады XX века и ограниченность национального самосознания в основном только средой городской интеллигенции» (Sury R.G.)¹⁹⁰. Безоговорочно ссылаясь на Р. Сюни, всецело уличенного в некомпетентности и фальсификациях истории Армении¹⁹¹, Румянцев в вопросах национальной идентичности армян и грузин выявил как свою неведение, так и проазербайджанскую тенденциозность взглядов американского автора.

Согласно конструктивистской теории, которая наиболее признана на западе, нация представляется продуктом нового времени, а первые нации считаются появившимися лишь в в XVI–XIX вв.¹⁹² Такой, на наш взгляд, необъективный, а по характеру имперский, подход напоминает советскую «уравниловку». Разница лишь в том, что советская модель «удревляла» тех, которые сформировались позднее, с целью приравнять их с этносами, обладающими самосознанием задолго до модернизации, в то время как современный западный конструктивизм необоснованно переносит даты формирования всех наций в новое и новейшее время.

В работе азербайджанского историка, доктора Э. Исмаилова также наблюдаются некоторые попытки деконструкции советского нарратива по истории Азербайджана. Он пишет: «В послевоенной, да и в современной азербайджанской историографии постоянно поддерживал-

ся и поддерживается миф о Фатали хане (в 1758–1788 гг. Кубинский хан из тюркского племени Шахсевен, суннит. – Т.В.) как объединителе азербайджанских земель, проводнике азербайджанской национальной идеи. В послевоенные годы на экранах кинотеатров появился фильм «Фатали хан» (1947. – Т.В.), в котором эта мысль была отчетливо выражена в художественной форме. В данном случае авторы как художественной киноленты, так и исторических научных и научно-популярных работ ориентировались на модель образования единого централизованного государства, сформированную в произведениях русских и советских историков, а еще больше – в художественных произведениях советских авторов. За созданием образа героя-объединителя в истории России стоял официальный заказ, соответствующий сталинским представлениям о характере и факторах объединительных процессов. В соответствии с этими представлениями и строилась концепция азербайджанской истории¹⁹³. Далее Э. Исмаилов верно замечает, что вряд ли «хан был озабочен именно реализацией этой [азербайджанской национальной] идеи», но выбор для конструирования мифа пал на него только благодаря тому, что он в свое время ориентировался на Россию.

Э. Исмаилов справедливо критикует также «попытки модернизации истории, перенесения сегодняшних представлений на события далекого прошлого»¹⁹⁴. Но удивительно, что сам же пишет: «Династия Сефевидов, вне всякого сомнения, имела *тюркское, а следовательно, по меркам сегодняшнего времени, азербайджанское происхождение*... Правящая элита того времени в подавляющем большинстве состояла из представителей *тюркской, а если подходить с позиций сегодняшнего дня, азербайджанской знати* (курсив мой. – Т.В.)¹⁹⁵. Остается загадкой, почему автор, критикуя этот подход, сам же сегодняшние реалии проектирует на события прошлого, неаутентично называя Сефевидов, и в самом деле имеющих тюркское происхождение, азербайджанцами.

Очевидно, что исследователи, пытающиеся постепенно отмежеваться от старых традиций ложной идентификации, на данном этапе стараются найти промежуточные решения. Тот же Э. Исмаилов, например, признается, что нельзя Сефевидское государство считать азербайджанским, но причиной этого считает не то, что тогда азербайджанский этнос еще не сформировался, а то, что применительно к той эпохе вообще нет основания этнизировать природу государств. Подобным образом автор отдает дань западной интерпретации этничности, которая методом «уравниловки» фактически «спасает» офи-

циальную азербайджанскую историографию от бесконечных поисков своей идентичности в древности. Ведь если принять за истину тезис о том, что исключительно все нации являются продуктом нового времени, тогда азербайджанским историкам не придется во избежание «ущемления» своего национального достоинства постоянно доказывать свою «древность».

Этнопроект «азербайджанизм» гармонирует также с идеей гражданского общества, согласно которой, азербайджанцами считаются все жители республики, независимо от этнокультурного, биологического или расового компонента. Такой подход дает возможность путем внедрения гражданской идентичности обеспечить участие этнических меньшинств Азербайджана в конструировании азербайджанского этноса, т. е. успешно применить на практике теорию «плавильного котла».

Историк Ф. Алекперли, видимо, разочаровавшись в возможностях победы «тюркской» концепции в национальной парадигме, представил тезис о так называемом «азербайджанском универсализме», который охарактеризовал так: «стихийно сформировавшееся гибкое синкретическое мировоззрение, объединяющее в себе ориентацию на культурное наследие разных народов, цивилизаций и культур»¹⁹⁶. Ф. Алекперли продолжает: «Суть «азербайджанского универсализма» заключается в том, что в его рамках очень трудно вычленил какой-то этнокультурный компонент в качестве главного. В рамках этой парадигмы не оказывается явного предпочтения ни одному из составляющих «азербайджанизм» компонентов, т. е. ни тюркизму, ни иранизму, ни кавказофильству...»¹⁹⁷. Таким образом, автор, утверждая, что ни один из названных компонентов не является доминирующим в идентичности азербайджанцев, тем самым признает факт незавершенности процесса конструирования азербайджанской этничности. Об этом он открыто пишет: «Причина формирования «азербайджанского универсализма» заключается в том, что азербайджанская нация складывалась из этнически разнородных, абсолютно не родственных друг другу элементов – тюркского, кавказского и иранского. Не секрет, что наряду с азербайджанскими тюрками (огузами и сельджуками), давшими азербайджанцам их язык, в формировании нации принимали участие также постепенно вливавшиеся в ее состав нетюркские местные народы – курды, таты, талыши, часть лезгин и разные горские народы Азербайджана. Каждый из них имел в прошлом свой язык, свои обычаи и свою ментальность. Теперь все это смешалось. Но для формирования однородной гомогенной смеси нескольких десятилетий недостаточно – нужны столетия»¹⁹⁸. А затем Алекперли

приводит пример французов, которым понадобилось более 1200 лет, чтобы путем смешения галльского, германского и римского элементов создать однородный этнос. Формированию подобного нового (по советским стандартам – даже крамольного) видения своей этнической идентичности в среде азербайджанской интеллектуальной элиты несомненно способствовала и нехватка отчетливо азербайджанского культурного капитала.

Но, чтобы не оказаться полностью вне официальной версии азербайджанской историографии, утверждающей о существовании азербайджанского этноса с древнейших времен до наших дней, Ф. Алекперли добавляет в свой текст неаутентичные исторические реалии: «В средние века существовал кызылбашский этнос азербайджанских тюрков, который успешно соперничал с османами по силе и могуществу. После того, как в 1936 г. азербайджанские тюрки были переименованы в азербайджанцев, а затем брошены в общий плавильный котел с кавказцами и иранцами, этот этнос постепенно дезтнизировался и перестал существовать на территории Азербайджанской ССР. Фактически, в сталинскую эпоху, мы имели дело с этноцидом (культурным геноцидом) азербайджанских тюрков. Их уничтожили не столько в физическом, сколько в этническом и культурном плане»¹⁹⁹.

Формулировка «кызылбашский этнос азербайджанских тюрков» подразумевает, что кызылбаши представляли собой отдельный этнос и принадлежали к метазтносу «азербайджанских тюрков». В этой формулировке есть два ошибочных тезиса. Первое, кызылбаши состояли из разных племен – тюркоязычные шамлу, румлу, устаджлу, текелю, зулкадар, каджар, афшар, асирлу, ираноязычные талыши, ряд курдских племен и персидских кланов²⁰⁰. Следовательно, кызылбаши находились на стадии племенного развития и не имели четкого этнического самосознания. 2) Термин же «азербайджанские тюрки», как уже отмечалось выше, впервые встречается в материалах от 1891 года, но начинает селективно употребляться лишь в первых десятилетиях XX века.

Заметим, что факт незавершенности конструирования азербайджанского этноса прямо или косвенно признают и ряд других авторов. Так, американская исследовательница Ш. Хантер пишет: «Азербайджан, фактически, имеет смешанное этническое и культурное наследие с двумя элементами – иранским и тюркским. Гармоничное слияние этих элементов в единую азербайджанскую идентичность являлось и является вызовом для новой независимой республики»²⁰¹. Этнограф Г. Харатян, имея ввиду азербайджанцев, разделяет это мне-

ние: «Одна из двух сторон карабахского конфликта [1988–1994 гг.] находится в процессе становления в качестве полноценной этнической единицы, что проявляется в разнообразии этнонимов и в их неоднозначном восприятии»²⁰². Азербайджанский композитор Ф. Аллахверди, выступая против «удревления» азербайджанцев, пишет: «Азербайджанский народ – древний народ! Понять эту фразу невозможно... Что мы за древний народ, если это название было придумано в 30-е годы по указанию Сталина?»²⁰³. Ф. Бекташи пишет: «Сегодняшние азербайджанцы – это конгломерат тех представителей коренных и иммигрировавших сюда народов, которые влились либо полностью, либо частично»²⁰⁴; «азербайджанцы, как и, допустим, американцы или новозеландцы, бывают разного происхождения – тюркского, иранского или кавказоязычного»²⁰⁵. Хотя формулировка автора неудачна, так как у американцев или новозеландцев имеются также китайские, японские и многие другие этнические корни, он верно подмечает полиэтничное происхождение и культурную гетерогенность сегодняшних азербайджанцев.

Примечательно, что еще в XIX веке среди татарского населения Бакинской губернии встречались разные расовые типы. В списке Кавказского статистического комитета написано: «Татары Бакинской губернии не представляют по своей наружности ничего общего, типического. Начиная от широкоскульных, кривоглазых лиц монгольского типа, встречающихся впрочем, весьма редко между кочевниками и оседлыми жителями, до самых благообразных форм индоевропейской физиономии, они представляют всевозможные переходы»²⁰⁶.

Таким образом, в среде закавказских мусульман в XIX веке еще не была сформирована не только культурно однородная, но и биологически однотипная общность. Однако, в советский период ситуация в расовом плане значительно изменилась в сторону гомогенности. Иранист-востоковед, профессор Г. Асатрян замечает по этому поводу: «Согласно проведенному анализу советского антрополога Л. В. Ошанина, по признаку процентного наличия эпикантуса – основного признака монголоидной расы, свойственной тюркским народам, – вырисовывается следующая картина: (у мужчин) у киргизов – 51%, у казахов – 22%, у узбеков – 11%, у туркмен – 6%, а у азербайджанцев – 2% и ниже; (у женщин) у киргизов – 83%, у казахов – 53%, у узбеков – 18%, у туркмен – 10%, а у азербайджанцев – ноль процента»²⁰⁷. На этой основе автор резюмирует, что «главным наследием тюркского суперстрата [у азербайджанцев] остается, фактически, только язык»²⁰⁸.

Заключение

Таким образом, современные азербайджанцы – это конгломерат разных этноязыковых, религиозных и даже расовых групп, которые, почти изжив монголоидный тип, все еще не сформировались в культурно-гомогенную общность.

Понятия «азербайджанский этнос» или «этническая территория»²⁰⁹ азербайджанцев», по сути, такие же идеологемы, как, например, «советский человек», «европейская идентичность», «лица кавказской национальности» и т. д. Просто в отличие от упомянутых по характеру наднациональных идеологем, «азербайджанский этнос» и «этническая территория азербайджанцев» обслуживают этнонациональный миф. Идеологемы способны не только программировать будущее, но и конструировать реальность, хотя на самом деле являются абстракцией. Если идеологема «азербайджанский этнос» призвана служить конструированию этничности, то «этническая территория азербайджанцев» скорее подпитывает агрессивно-шовинистическую политическую идеологию и официальные территориальные претензии Азербайджана к своим соседям, причем не только к Армении (РА и НКР), но также к Ирану и Грузии. Но опасность внедрения идеологем заключается в том, что им характерны постоянное несоответствие и коллизии с реальностью, которые могут привести к появлению «сейсмических зон» в коллективном сознании населения Азербайджанской Республики, тем самым резко повысив уровень его внутриобщественной конфликтности.

При таких обстоятельствах апеллирование к термину «азербайджанский этнос» в академических и публицистических текстах относительно периода до XX в. непрофессионально и научно несостоятельно. Этот термин является скорее отражением сформированного советской идеологией и пропагандой этнонационального мифа, который был взят на вооружение азербайджанской историографией и некоторыми зарубежными проазербайджанскими авторами, а его подобное антиисторическое употребление указывает либо на некомпетентность, либо на политическую ангажированность. Применение

этого термина и по сей день требует разъяснений. Конечно, это не значит, что в исторической перспективе, при наличии благоприятных геополитических и иных обстоятельств, вероятно уже через несколько десятилетий, «азербайджанский этнос» не сможет приобрести намного более отчетливые контуры.

Хотя принято считать, что этнос, как правило, предшествует нации, это не всегда так. Азербайджанский кейс как раз один из обратных примеров, когда зарождается нация как общество сограждан, объединенных принадлежностью к одному государству, после чего государство целеустремленно и разными (зачастую насильственными) способами начинает этнизировать (в том числе ассимилировать) контролируемое им население, которое ранее не обладало культурной однородностью. Следовательно, *азербайджанский случай – это пример не нацизации этноса, а наоборот – этнизации нации.*

Как явствует из настоящего исследования, столетний поиск самости в среде тюркоязычных мусульман Восточного Закавказья до сих пор остается незавершенным процессом.

Со второй половины XIX века по настоящее время в их среде можно выделить три основные фазы дрейфующей идентичности со следующей условной датировкой: 1) конец XIX в. по 1920-е гг. – деиранизация и начало тюркизации; 2) 1930-е гг. по 1990 г. – де-тюркизация и сталинская директивная азербайджанизация; 3) с 1991 г. и по сей день – дрейфование между вновь всколыхнувшимся в постсоветский период этническим тюркизмом и унаследованным от советского строя азербайджанизмом.

Если в ходе первой фазы шел процесс ослабления религиозного сознания и усиления этнолингвистического, то во второй фазе внедрялись, фактически, сразу две модели гражданской идентичности – «азербайджанец» и «советский человек». Первая модель включала в себе всех граждан Азербайджанской ССР, а вторая – Советского Союза. Но, как известно, советская модель нациестроительства была призвана конструировать не только «советский народ», но и новые этнические нации. Поэтому всеми возможными способами, в том числе путем искусственного «удревнения» и фальсификации истории, присвоения культуры соседних народов и т. п., проводилась интенсивная этнизация населения Азербайджанской ССР. Но несмотря на потраченные колоссальные усилия, конструирование «азербайджанского этноса» к распаду СССР все же не успело завершиться, а этноним *азербайджанцы* даже в современном Азербайджане до сих пор не получил универсального общественного признания.

Третья, текущая фаза постсоветского периода, характеризуется тем, что в ней столкнулись два, по сути, незавершенных этнопроекта: тюркизация, прерванная советизацией, и азербайджанизация, прерванная коллапсом СССР. Фактически, общественное сознание в Азербайджане дрейфует между ними, а государственная машина продолжает целенаправленно внедрять самоидентификацию *азербайджанцы*, одновременно пытаясь ее этнизировать. Видимо, политическая власть и элита республики по достоинству оценили конструктивный вклад советской модели нациестроительства и решили практиковать ее и далее. Но есть существенная разница между советским и современным этнопроектами азербайджанизации. Если первая вытесняла тюркский компонент, то вторая опирается именно на нее. Придавленный тюркизм превращал советскую модель нациестроительства в открытый проект, который мог быть привлекателен для нетюркских народов республики. Подобным путем, фактически, сдерживалось формирование этнических контрпроектов среди нетюркских народов Азербайджанской ССР. Тюркизм же, акцентированный в постсоветской модели азербайджанской идентичности, вступает в противоречие с их этничностью и вызывает отторжение. Таким образом, тюркский компонент, который лежит в основе современной азербайджанизации, трансформирует советскую «мягкую» азербайджанизацию в «жесткий» этнопроект.

Следовательно, эффективность этнической консолидации и ассимиляции народов Азербайджана в единый азербайджанский этнос на основе основополагающей тюркской идентичности во многом зависит от того, насколько этнические меньшинства республики готовы участвовать в данном этнопроекте. Очевидно, однако, что вовлечение нетюркских народов Азербайджана в подобный ассимиляционный процесс не может быть гладким и безболезненным.

Примечания

- ¹ *Атронатена* (арм. Атрпатакан) – историческое название провинции в северо-западной части Ирана, которая простиралась к югу от реки Аракс (см. Encyclopedia Britanica, 1911, <http://www.1911encyclopedia.org/Azerbaijan>). Эта территория не входила в состав ни Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920), ни Азербайджанской ССР (1920–1991), ни Азербайджанской Республики (с 1991). Основная же часть территории современной Азербайджанской Республики в классических источниках (например, Страбон) упоминается под названиями Албания, Армения или Агванк, а в иранских источниках – Арран (см.: *Enayatollah Reza. From Arran to Azerbaijan // Goftogu Quarterly 33, Spring 2002; Arran, the real name of the Republic of Azerbaijan. An interview with Dr. Enayatollah, Reza.* См.: http://www.iranchamber.com/geography/articles/arran_real_azerbaijan.php; *Энаят Олла-Реза. Азербайджан и Арран (Атурпатакан и Кавказская Албания).* – М.: «Квадрига», 2011; *Акопян Алексан.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1987).
- ² *Altstadt Audrey. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule.* – Stanford (Calif.): Hoover Inst. Press, Stanford University, 1992.
- ³ См.: *Бекташи Фикрин.* Откуда взялись армяне в списке коренных народов Азербайджана? // «Regnum», 16.08.2011 (<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1435607.html>).
- ⁴ *Балаев Айдын.* Азербайджанские тюрки: процессы формирования нации и национальной идентичности на рубеже XIX–XX вв. – Баку: «Qanun», 2010. С. 25.
- ⁵ Там же. С. 31–32.
- ⁶ Там же. С. 47.
- ⁷ *Аббасов Ильхам* – канд. филологич. н., научный сотрудник Института Философии и политико-правовых исследований НАН Азербайджана.
- ⁸ *Румянцев Сергей* – канд. социологич. н., научный сотрудник Института Философии и политико-правовых исследований НАН Азербайджана.
- ⁹ *Аббасов Ильхам, Румянцев Сергей.* Способы увековечить прошлое: анализ образов «других» в учебниках истории Азербайджана // *Современные учебники истории на Южном Кавказе / Под ред. Любоша Веселего.* – Прага, 2009. С. 52.
- ¹⁰ В действительности пещера находится неподалеку от древнего армянского селения Азох в Гадрутском районе Нагорно-Карабахской Республики.

- Этот район не входит в состав постсоветского Азербайджана. В 1960–1980-х гг., когда территория Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) была в составе Азербайджанской ССР, здесь проводились археологические раскопки. В азербайджанских учебниках советского периода местонахождение пещеры упоминалось так: «Гадрутский район Азербайджанской ССР», т. е. намеренно опускалась принадлежность данной территории к НКАО, в которую входил Гадрутский район. См.: *Гулиев Н.А.* История Азербайджана. Учебник для 7-8 классов. – Баку, 1983. С. 6.
- ¹¹ На протяжении многих веков в армянских источниках пещера упоминалась под названием «Ворван-Азох». На древнеармянском языке (грабаре) слово «Азох» означает «незрелый виноград», а «ворван» на местном армянском диалекте – «солнечный, опаленный или обожженный солнцем». В 1967 г., по предложению азербайджанского писателя Мирзи Ибрагимова, «Азох» был переименован в «Азых», т. е., фактически – тюркизирован. Целью такого искажения было стремление связать ее с названием «Азер», которое якобы восходит к Азыху. Об этом подробно: *Мкртчян Шаген.* Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. – Ереван, 1989; см. также: *Мкртчян Шаген.* Когда и зачем Азох был переименован в «Азых» // Газета «Азат Арцах», 21.11.2003.
 - ¹² *Аббасов Ильхам, Румянцев Сергей.* Указ. соч. С. 52–53.
 - ¹³ По всей вероятности речь идет об учебнике по истории для 5 класса: *Мамудлу Я., Халилов Р., Агаев С.* Отечество. Учебник для 5 класса. – Баку: «Тахсил», 2003.
 - ¹⁴ Отделяется еще и инструменталистский подход, но мы его отдельно рассматривать не будем, так как различия в вопросах этничности с конструктивистским подходом незначительные.
 - ¹⁵ *Артефакт* (от лат. *art* – искусственно и *factus* – сделанный) – искусственно сделанный предмет или какое-либо явление, не существующее в природе в самородном виде.
 - ¹⁶ *Бромлей Юрий.* Очерки теории этноса / Послесл. Н.Я.Бромлей. Изд. 2. – М., 2008. 440 с.
 - ¹⁷ *Этноним* (от греч. *ethnos* – народ и *онима* – имя) – название этноса и важнейший признак этнического самосознания, см.: *Тавадов Гамлет.* Этнология: учебник для вузов. – М.: «Проект», 2002. С. 348.
 - ¹⁸ Там же. С. 59.
 - ¹⁹ *Smith Anthony.* The Ethnic Origins of Nations – Oxford (UK): «Blackwell Publishing». 1986. P. 21–31.
 - ²⁰ *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // *Этничность и власть в полиэтничных государствах.* – М., 1994. С. 85–132. Цит. по: *Кара-Мурза Сергей.* Демонтаж народа. – М., 2007. С. 82.
 - ²¹ *Gluckman Max.* Custom and Conflict in Africa. – Oxford University Press, 1955; *Gluckman Max.* Order and Rebellion in Tribal Africa. – London, 1963; *Schmidt Anna.* The Manchester School. Department of Anthropology, Uni-

versity of Alabama, 2007; *Frankenberg Ronald*. What Manchester does Today: Max Gluckman and the Social Anthropology of the Practical World // RAIN, 1981, August. № 45. P. 6–8 (см. также: <http://www.jstor.org/pss/3031791>); *Kuper Adam*. Leach and Gluckman, Ch. 6. P. 142–166 // Kuper A. Anthropologists and Anthropology: The British School 1922–1972. – London, 1973.

²² *Barth Fredrik* (ed). Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. – Oslo, 1969.

²³ *Скворцов Николай*. Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1997. С. 64.

²⁴ *Moerman Michael*. Ethnic Identity in a Complex Civilization: Who Are the Lue? // «American Anthropologist», New Series. Vol. 67. №. 5. October, 1965. P. 1219.

²⁵ Ibidem.

²⁶ *Smith Anthony*. Op. cit. P. 23.

²⁷ Ibidem.

²⁸ В данном случае предпочтительно использовать термины протозэтноним и протозэтноним, так как распространенные самоназвания и иноназвания все еще не носили этнической окраски.

²⁹ *Ономастика* – наука, изучающая собственные имена, их возникновение, закономерности развития, функционирования.

³⁰ *Экзоэтноним* (от греч. *экзо* – «вне» и греч. *онома* – «имя»).

³¹ *Бартольд Василий*. Работы по исторической географии. Серия «Классики отечественного востоковедения». – М. 2002. С. 571–572. См. также: <http://runivers.ru/bookreader/book10411/#page/566/mode/1up>

³² Об этом подробно см.: *Исмаилов Эльдар*. Очерки по истории Азербайджана. – М., 2010. С. 85–89, 91–95.

³³ Там же. С. 86.

³⁴ См.: *Aivazian Armen*. The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal. – Yerevan, 1997. P. 27, 33–36.

³⁵ О договоре см.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов, т. II, ч. I / Под ред. Ашота Иоаннисяна. – Ер., 1964. С. LXVI–LXXV; Перевод документа см. под номером 240 см.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сб. документов, т. II, ч. II / Под ред. Ашота Иоаннисяна – Ер., 1967. С. 100–102; о противостоянии шиитов и суннитов, см.: *Юнусов Ариф*. Ислам в Азербайджане. – Баку, 2004. С. 69–88.

³⁶ *Юнусов Ариф*. Мифы и образы «врага» в исторической науке и учебниках по истории независимого Азербайджана. Ч. I (<http://www.kavkazoved.info/news/2011/10/11/mify-i-obrazy-vraga-v-istoricheskoy-nauke-azerbajdzhana-i.html>).

³⁷ *Броневский Семен*. Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ. Ч. 1. – М., 1823. С. 30.

³⁸ *Villary Luigi*. Fire and sword in the Caucasus. – London, 1906. P. 23.

³⁹ Ibidem. P. 161.

⁴⁰ *Shissler Holly*. Between two Empires: Ahmet Agaoglu and the New Turkey. – London–New-York, 2002. P. 43.

⁴¹ Ibidem. P. 43.

⁴² Ibidem. P. 43–44.

⁴³ *Алекперов А.К.* Исследование по археологии и этнографии Азербайджана. – Баку, 1960. С. 73.

⁴⁴ *Аух Ева-Мария*. Между приспособлением и самоутверждением: ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на юго-восточном Кавказе (1875–1905) // Азербайджан и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. Вып. 4. – М., 2001. С. 56.

⁴⁵ *Броневский Семен*. Указ. соч. Ч. 2. – М., 1823. С. 459.

⁴⁶ *Shissler Holly*. Op. cit. P. 82.

⁴⁷ Ibidem. С. 213.

⁴⁸ Подробнее см.: *Балаев Айдын*. Азербайджанские тюрки... С. 276–277.

⁴⁹ *Шахтахтинский Мухаммед Ага*. Как называть закавказских мусульман? // «Каспий» (Баку), 1891, № 93, от 1 мая (см. также: <http://www.ourbaku.com>).

⁵⁰ *Асатрян Гарник*. Азербайджанская национальная идея: отведено ли в ней место для нацменьшинств? // «Regnum», 23.11.2011: <http://regnum.ru/news/1470705.html>

⁵¹ См.: История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Струве В.В., Орбели И.А., Петрушевского И.П. – Л., 1958. С. 273.

⁵² *Алекперов А.К.* Указ. соч. С. 74.

⁵³ *Исхаков С.М.* Мусульманская психология и европейская политика (первая четверть XX века) // Революция и человек. – М., 1996. С. 40.

⁵⁴ Так, например, царские власти жителей Средней Азии стали идентифицировать на основе социальной иерархии. Французский автор Ж. Кадио пишет: «В Туркестане, вошедшем в состав Российской империи только во второй половине XIX века, царские администраторы столкнулись с неизвестными им этническими группами и понятиями. В этой ситуации они постарались найти максимально простые категории, различая прежде всего кочевое и оседлое население и выделяя среди последней группы крестьян и городских жителей. Кочевников обычно именовали киргизами, горожан – сартами, а крестьян – узбеками. Так в основу этнической и лингвистической классификации жителей Средней Азии легла «этнизированная» социальная иерархия». См.: *Тесля А.* «Идентифицировать и управлять». Рец. к книге: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР. 1860–1940 / Пер. с фр. Э.Кустовой. – М.: «Новое литературное обозрение», 2010. С. 84 (см. также: <http://russ.ru/Книга-nedeli/Identificirovat-i-upravlyat>).

⁵⁵ *Гильденштедт Иоганн Антон* (1745–1781), доктор медицины, действ.

- член и профессор натуральной истории Императорской Академии наук, участник знаменитой «академической» экспедиции на Кавказ, организованной по повелению императрицы Екатерины II.
- ⁵⁶ *Терекеме* – этимологически происходит от этнонима «туркмен», от арабской формы его множественного числа, см.: Юнусов Ариф. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. – Баку, 2000. С. 43.
- ⁵⁷ *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб., 2002. С. 253.
- ⁵⁸ См.: *Гаджиева Сакинат.* Дагестанские терекемцы XIX – начало XX в. – М., 1990; Юнусов Ариф. Месхетинские турки... С. 43.
- ⁵⁹ *Броневский Семен.* Указ. соч. Ч. 1. С. 27–29.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ *Дубровин Николай Федорович* – историк, член Академии наук, генерал-лейтенант
- ⁶² *Дубровин Николай.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 2. – СПб., 1871. С. 334.
- ⁶³ Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю, LXV. Бакинская губерния, по сведениям 1859 по 1864 год Кавказским статистическим комитетом при главном управлении Наместника Кавказского / Сост. Н. Зейдлиц. – Тифлис, 1870. С. 85.
- ⁶⁴ Там же. С. 89.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. С. 93.
- ⁶⁸ Там же. С. 85.
- ⁶⁹ *Алекперов А.К.* Указ. соч. С. 73.
- ⁷⁰ Словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. IIа. – СПб., 1891. С. 771.
- ⁷¹ *Велидов Дж.* Нашъ народъ и наше племя // «Шура», Оренбург, 1912, № 1. С. 9; «Пантюркизмъ въ Россіи» // «Мир Ислама», издание императорского общества Востоковедения, СПб., 1913, т. 2, вып. 1. С. 18.
- ⁷² Там же. С. 17.
- ⁷³ Там же. С. 18.
- ⁷⁴ *Алекперов А.К.* Указ. соч. С. 73. Тем не менее, как отмечалось выше, шиитов Закавказья называли кадждарами еще в 1720-х гг., т.е. до установления в Персии династии Кадждаров. См.: *Aivazian A.* The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal. С. 27.
- ⁷⁵ *Алекперов А.К.* Указ. соч. С. 73.
- ⁷⁶ Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю, LXV. Бакинская губерния... С. 86.
- ⁷⁷ *Алекперов А.К.* Указ. соч. С. 73.
- ⁷⁸ См., например: *А-До (Оганес Тер-Мартirosян).* Армяно-турецкие столкновения на Кавказе в 1905-1906 гг. в фактологических, статистических, топонимических иллюстрациях. – Ереван, 1907 (на арм.); Экономичес-

- кие, политические причины армяно-турецких погромов // Газета «Мурч» («Молот»), Тифлис, от 1905, № 11, 12 (на арм.).
- ⁷⁹ См., например: *Зареванд (Завен Налбандян).* Турция и Пантюркизм. – Париж, 1930; *Гюлханданян Абраам.* Армяно-татарские столкновения. – Париж, 1933.
- ⁸⁰ См.: газета «Мурч» («Молот»), Тифлис, 1905, № 10; 1906, № 2.
- ⁸¹ Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи накануне всеобщей переписи. – СПб.: Издание Канцелярии комитета министров, 1895. С. 68.
- ⁸² Вести из Тегерана // «Русское слово», М., 1908, 9 (22) окт.
- ⁸³ *Старосельский В.А.* Кавказская драма. – СПб.: «Амиранъ». 1906. С. 20.
- ⁸⁴ Государственная Дума, III созыв, сессия 2-я, заседание 46-е, 4-е февраля, 1909 г., стенографические отчеты. – СПб., 1909. С. 899.
- ⁸⁵ Словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. XXXIV, СПб., 1902. С. 350. (<http://runivers.ru/bookreader/book10198/#page/356/mode/1up>).
- ⁸⁶ *Shissler Holly.* Op. cit. P. 4.
- ⁸⁷ *Karpat Kemal.* The Politization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. – Oxford University Press, 2001. P. 295.
- ⁸⁸ *Агаев Ахмед бег.* Тюркь-алеми (Тюркский мир). Цит. по: «Пантюркизм в России» // «Мир Ислама», СПб., 1913. Т. 2, вып. 1. С. 21–22.
- ⁸⁹ Название «южнокавказский мусульманин» используется Е.-М. Аухом и, по сути, является вестернизированной формой названия «закавказский мусульманин».
- ⁹⁰ *Аух Ева-Мария.* Указ. соч. С. 62.
- ⁹¹ *Шахтахтинский Мухаммед Ага.* Как называть закавказских мусульман? // «Каспий», Баку, 1891, № 93, от 1 мая (см.: <http://www.ourbaku.com>); ср.: *Балаев Айдын.* Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX–XX вв. – Баку, 2005. С. 41.
- ⁹² Так, по данным 1901 г. в 12 учебных заведениях Закавказья 32% учащихся были русские, 43% – армяне, 25% – грузины, а татар не было вообще, см.: *М-ко Н.Н.* Грузино-армянские претензии и Закавказская революция. – Киев: типография С.В.Кульженко, 1906. С. 13–14.
- ⁹³ Первая мусульманская газеты на Кавказь // «Мир Ислама», СПб., 1913, т. 2, вып. 12. С. 883.
- ⁹⁴ Этот процесс на европейском примере успешно представлен в работе известного теоретика нации и национализма Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (см.: *Anderson Benedict.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London, 1983).
- ⁹⁵ Мы используем название «закавказские татары», исходя из стремления придерживаться терминологии архивных документов и других исторических материалов того времени.
- ⁹⁶ Об этом подробно см.: *Варданян Тамара.* Межэтнический конфликт как

- фактор самоидентификации этноса (на примере армяно-татарских столкновений в 1905–1906 гг.) // «Вестник общественных наук», НАН РА, Ереван, 2003, № 1. С. 72–79 (на арм. яз.).
- ⁹⁷ Об этом подробно см.: *Варданян Тамара*. Проявление татарского национализма в Закавказье в начале XX века // «Вестник Ереванского Государственного Университета», 2000, № 3. С. 89–97.
- ⁹⁸ *Тавадов Гамлет*. Этнология: учебник для вузов. – М.: «Проект», 2002. С. 59.
- ⁹⁹ Там же. С. 59–60.
- ¹⁰⁰ *Ананун Давид*. Общественное развитие русских армян (1901–1918). Т. 3. – Венеция, 1926. С. 233 (на арм. яз.).
- ¹⁰¹ Там же. С. 233.
- ¹⁰² *Исмаилов Эльдар*. Возвысивший исламский мир // «Бакинский рабочий», 2010, 2 марта. С. 8 (см. также: <http://www.anl.az/down/meqale/bakrabochiy/2010/mart/110921.htm>).
- ¹⁰³ См.: Увидел свет двухтомник произведений Али бека Гусейнзаде (см.: http://www.kaspiy.az/articles.php?item_id=20090228032051179&sec_id=36).
- ¹⁰⁴ *Bennigsen Alexandre*. Islamic or Local Consciousness among Soviet Nationalities? // *Soviet Nationality Problems* / Edward Alworth (ed.). – New York: Columbia University Press, 1971. P. 175. Цит. по: *Astourian Stephan*. In search of their Forefathers: National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani ethnogeneses // *Nationalism and History: The Politics of Nation-Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia*. – University of Toronto, 1994. P. 53.
- ¹⁰⁵ *Балаев Айдын*. Азербайджанские тюрки... С. 207.
- ¹⁰⁶ *Sargent Leslie*. The «Armeno-Tatar war» in the South Caucasus, 1905–1906: Multiple causes, Interpreted Meanings // «Ab Imperio», 2010, № 4. P. 143.
- ¹⁰⁷ *Цуциев Артур*. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: «Европа», 2006. С. 52.
- ¹⁰⁸ *Мусават* – созданная в Закавказье в 1911 г. мусульманская политическая партия, которая в 1917 г. в результате слияния с Тюркской партией федералистов стала называться Тюркской демократической партией федералистов «Мусават». Партия пришла к власти после провозглашения независимой Азербайджанской Республики в 1918 г.
- ¹⁰⁹ *Цуциев Артур*. Атлас... С. 52.
- ¹¹⁰ *Лишин Николай*. На Каспийском море, Год Белой борьбы. – Прага: издание «Морского журнала», 1938. С. 87.
- ¹¹¹ *Исмаилов Эльдар*. Очерки по истории Азербайджана. – М., 2010. С. 185.
- ¹¹² *Свентоховский Тадеуш*. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // *Азербайджан и Россия: общества и государства* / Отв. ред. и сост. Д.Е. Фурман. – М., 2001. С. 26.
- ¹¹³ *Балаев Айдын*. Азербайджанские тюрки... С. 268–269.
- ¹¹⁴ См.: журнал «Айреник», Бостон, 1925, № 9. С. 68. Цит. по: *Аветисян Грант*. К вопросу о «Кавказском доме» и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. – М., 1997. С. 141.
- ¹¹⁵ *Лишин Николай*. На Каспийском море, Год Белой борьбы... С. 30.
- ¹¹⁶ Там же. С. 34.
- ¹¹⁷ Там же. С. 58.
- ¹¹⁸ Там же. С. 50.
- ¹¹⁹ Там же. С. 89.
- ¹²⁰ *Балаев Айдын*. Азербайджанские тюрки... С. 223.
- ¹²¹ *Исмаилов Эльдар*. Очерки по истории Азербайджана. С. 186.
- ¹²² *Лишин Николай*. На Каспийском море, Год Белой борьбы... С. 89.
- ¹²³ *Агаев Гасан бек*. О независимости Азербайджана // Газета «Азербайджан», от 28 мая 1919 года, № 110 (см.: <http://www.ourbaku.com>).
- ¹²⁴ *Балаев Айдын*. Азербайджанские тюрки... С. 205.
- ¹²⁵ *Свентоховский Тадеуш*. Указ. соч. С. 27.
- ¹²⁶ *Исмаилов Эльдар*. Очерки по истории Азербайджана. С. 236.
- ¹²⁷ См.: *Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. – М., 1952. С. 391; *Гасанли Джамиль*. СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). – М., 2006. С. 453; *Swietochowski Tadeusz and Collins Brian*. Historical Dictionary of Azerbaijan. – USA & London, 1999. P. 7, 104.
- ¹²⁸ *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан: Военно-географический очерк. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 1
- ¹²⁹ См.: *Яковлев Н.* Языки и народы Кавказа: краткий обзор и классификация. – Тифлис, 1930. С. 9.
- ¹³⁰ *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. – М., 1934. С. 110.
- ¹³¹ *Алекперов А.К.* Указ. соч. С. 71.
- ¹³² Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. Т. 1.– М.: «Советская энциклопедия», 1961. Стб. 265.
- ¹³³ *Алекперов А.К.* Указ. соч. С. 71.
- ¹³⁴ Там же. С. 72.
- ¹³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд. Т. 2. – М., 1970. С. 433–442.
- ¹³⁶ *Мамедов Алиага*. Некоторые аспекты современной этнической ситуации в Азербайджане // «Центральная Азия и Кавказ», 1999, № 5 (6). С. 55–56.
- ¹³⁷ См.: *Степанян Геворк*. История армян города Баку: историко-демографическое исследование. – Ереван, 2011. С. 486; см. также: БСЭ, т. 1. – М., 1929. С. 641.
- ¹³⁸ Народы Кавказа. Т. II // Народы мира: этнографические очерки / Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С.П. Толстова. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 187.

- ¹³⁹ Об ударном культобразовании отсталых национальностей // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР, 1932, № 5. С. 13–14; см.: *Martin Terry*. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Cornell University Press, 2001. P. 167.
- ¹⁴⁰ *Martin Terry*. The Affirmative Action Empire. P. 137.
- ¹⁴¹ *Ibidem*. P. 381.
- ¹⁴² *Kohn Hans*. Nationalism in the Soviet Union. – London, 1933. P. 159.
- ¹⁴³ Газета «Коммунист» (Баку), 1924, 4 мая, № 94. Цит. по: *Степанян Геворг*. История армян города Баку... С. 474–475.
- ¹⁴⁴ *Румянцев Сергей*. «Нефть и Овцы: Из истории трансформаций города Баку из столицы в столицу» // P.S. Ландшафты: Оптики городских исследований. – Вильнюс: Европейский гум. университет, 2008. С. 242–243.
- ¹⁴⁵ *Martin Terry*. The Affirmative Action Empire. P. 30.
- ¹⁴⁶ Подробно об этом см.: *Doostzadeh Ali*. Politicization of the background of Nizami Ganjavi: Attempted de-Iranization of a historical Iranian figure by the USSR (<http://www.kavehfarrokhi.com/wp-content/uploads/2009/08/nizamipoliticizationussr4.pdf>).
- ¹⁴⁷ *Дьяконов Игорь*. Книга воспоминаний. – СПб.: «Европейский дом», 1995. С. 730–731.
- ¹⁴⁸ See: *Doostzadeh Ali*. Op. cit.
- ¹⁴⁹ Персианин из Грузии: О деятельности профессора Мирза Джафара Топчибашева в Петербургском университете // «Kaspiy», 26.02.2011 (http://www.kaspiy.az/articles.php?item_id=20110226072628644&sec_id=31).
- ¹⁵⁰ Азербайджанская традиция по фальсификации истории получила название буниятовщина по имени Зии Буниятова (1921–1997) – академика Национальной академии наук Азербайджана. О критике созданной им историографической лжешколы см.: *Bakikhanov Abbas-Kuli-aga (author)*. *Willem Floor (translator)*. *Hasan Javadi (translator)*. The heavenly rose-garden: a history of Shirvan and Daghestan. – USA: Mage Publishers, 2009. P. xvi, 5; *Шнирельман В.* «Албанский миф», глава 13 // Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: «Академкнига», 2003. С. 216–222; *Мелик-Бахшиян Степан*. Об одном «разъяснении» З. Буниятова; *Мнацаканян А.Ш.*, *Севак П.С.* По поводу книги З. Буниятова «Азербайджан в VII–IX вв.»; *Ганалаян А.*, *Хачикян Л.*, *Тер-Гевондян А.* Об очередных «размышлениях» З. Буниятова; *Арутюнян Б.А.* Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. – Изд-во Ерев. ун-та, 1991. С. 208–213, 296–310, 311–320, 353–382.
- ¹⁵¹ Здесь не будем обсуждать национальную принадлежность названных деятелей, так как тема с академической точки зрения исчерпана благодарственной научной критике буниятовских фальсификаций в целом, и в частности по данной теме см.: *Мелик-Оганджян К.А.* Историко-литературная концепция З. Буниятова: еще раз о национальной принадлеж-

- ности Мхитаря Гоша, автора «Судебника»; *Ливазян Эм.А.* Еще раз о Мхитаря Гоше; *Мнацаканян А.Ш.*, *Севак П.С.* По поводу книги З. Буниятова «Азербайджан в VII–IX вв.» // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. – Изд-во Ерев. ун-та, 1991. С. 178–194, 195–207, 296–310.
- ¹⁵² *Шнирельман Виктор*. Войны памяти... С. 202.
- ¹⁵³ *Гулиев Н.А.* История Азербайджана. Учебник для 7–8 классов. С. 156.
- ¹⁵⁴ *Эндостереотип* – мифы о самих себе, существующие внутри данного народа.
- ¹⁵⁵ Словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. XXXIV. – СПб., 1902. С. 350 (<http://runivers.ru/bookreader/book10198/#page/356/mode/1up>).
- ¹⁵⁶ Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю, LXV. Бакинская губерния... С. 88.
- ¹⁵⁷ *Смит Майкл*. Память об утратах и азербайджанское общество // Азербайджан и Россия: общества и государства. С. 91–92.
- ¹⁵⁸ *Дубровин Николай*. Указ. соч. С. 334.
- ¹⁵⁹ *Смит Майкл*. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁶⁰ *Броневский Семен*. Указ. соч. Ч. 2. С. 459–460.
- ¹⁶¹ *Гулиев Н.А.* История Азербайджана. Учебник для 7–8 классов. С. 45–46.
- ¹⁶² *Shissler Holly*. Op. cit. P. 14.
- ¹⁶³ *Гюлханданян Абраам*. Армяно-татарские столкновения. Т. 1 – Париж, 1933. С. 175–176 (на арм. яз.).
- ¹⁶⁴ *Свентоховский Тадеуш*. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁶⁵ В. Шнирельман в своем исследовании «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», на наш взгляд, чрезмерно увлекся инструменталистским подходом. В своем стремлении постоянно ставить знак равенства между конфликтующими историографиями, он полностью игнорирует тот факт, что многие из фундаментальных тезисов армянской историографии, благодаря научному объективизму и достоверному историческому анализу, являются общепризнанными в международных академических кругах. Так, например, по поводу стремления азербайджанской историографии доказать «автохтонность» азербайджанцев в Восточном Закавказье, Шнирельман, выявляя якобы политическую ангажированность армянской историографии, пишет, что «для армян предки азербайджанцев однозначно связывались с пришлыми тюрками» (с. 509). Видимо, автор забыл, что ту же мысль он изложил от своего имени как объективную реальность несколькими страницами выше: «Формирование азербайджанского народа было следствием тюркских миграций с востока» (с. 508). Получается, что позиция армянских ученых для Шнирельмана является всего лишь восприятием или ангажированной интерпретацией истории вследствие межэтнического конфликта, в то время как тождественная позиция его самого – объективная реальность. Кроме того, Шнирельман часто не критически ссылается на таких американских

исследователей как Р. Сюни, Н. Гарсоян, Дж. Рассел, работы которых пестрят фактическими ошибками и искажениями истории Армении (см.: *Айвазян А.* Освещение истории Армении в американской историографии (критический обзор). – Ер., 1998, на арм. яз.).

¹⁶⁶ *Шницерльман Виктор.* Войны памяти... С. 37.

¹⁶⁷ Там же. С. 37.

¹⁶⁸ См.: *Hunter Shireen.* The Muslim Republics of the Former Soviet Union: Policy Challenges for the United States // *The Washington Quarterly*, 1992, Summer. P. 59-62. Цит. по: *Айвазян Армен.* Освещение истории Армении в американской историографии... С. 32.

¹⁶⁹ *Tokluoglu Ceylan.* Definitions of National Identity, nationalism and ethnicity in Post-Soviet Azerbaijan in the 1990-s // «Ethnic and Racial Studies», 2005. Vol. 28, № 4 July. P. 722-758.

¹⁷⁰ Об этом подробно см.: *Balci Bayram.* Between Sunnism and Shiism: Islam in post-Soviet Azerbaijan // «Central Asian Survey», 2004, June, № 23 (2). P. 205-217.

¹⁷¹ *Алекперли Фарид.* Азербайджанские тюрки: история и современность (Репрессии против тюркизма) // «zerkalo.az», 15.08.2009 (<http://www.zerkalo.az/2009-08-15/politics/1787p2-tyurki-tyurkizm-ideologiya>).

¹⁷² *Алекперли Фарид.* Еще раз о национальной идее // «zerkalo.az», 14.08.2009 // <http://www.zerkalo.az/2009-08-08/politics/1630-read>

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ *Smith Anthony.* Ethno-Symbolism and Nationalism: a Cultural Approach. – London and New York, 2009. P. 46.

¹⁷⁵ *Гумбатов Эльчин.* Лингвистическая идентификация азербайджанского языка // История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде (статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Грузии и Армении). – Ереван, 2010. С. 178-179.

¹⁷⁶ *Guseynova Sevil.* Presentation of Islam in Secondary Secular Schools in Contemporary Azerbaijan // «Internationale Schulbuchforschung / International Textbook research», Germany, 2008, Vol. 30. P. 852.

¹⁷⁷ Ibidem. P. 852.

¹⁷⁸ *Balci Bayram.* Between Sunnism and Shiism: Islam in Post-Soviet Azerbaijan / «Central Asian Survey», June 2004, № 23 (2). P. 211-212.

¹⁷⁹ *Ордубади Мамед Саид.* Кровавые годы: История армяно-мусульманской войны на Кавказе в 1905-1906 годах. – СПб., 2011. Русский перевод Мирзы Гусейнзаде. Переиздана обществом «Европа-Азербайджан» в российском издательстве Академии исследования культуры. На английском языке книга переиздана в серии историко-научных изданий в известном британском издательстве по востоковедению «Garnet Publishing».

¹⁸⁰ Заметим, что в разделе «Основные вехи истории азербайджанцев» (см. *Шницерльман В.* Войны памяти... С. 101-118) автор безапелляционно ссылается на О. Алыштадт, чем и объясняются некоторые его казусы. На-

пример, на стр. 33 он совершенно справедливо заметил, что термин «Азербайджан» по отношению к этим территориям в России стал использоваться лишь после 1917 года (с. 33), но на стр. 104 той же книги пишет: «В 1820-е гг. в ряде районов Азербайджана (Карабах, Елисаветполь, Шемаха) наблюдался значительный прилив иммигрантов-армян».

¹⁸¹ *Alstadt Audrey.* Op. cit. P. 40.

¹⁸² *Van der Leeuw Charles.* Azerbaijan: a quest for identity: a short history. – N. Y., 2000. P. 200.

¹⁸³ По мнению кандидата исторических наук, этнографа Г. Харатяна, название «азеры», хотя и «является наиболее краткой формой термина «Азербайджан», но обладает самым минимальным правом к применению в качестве обобщенного этнонима по отношению к тюркоязычному населению Азербайджана. Оно чуждо как для самих тюркоязычных жителей Азербайджана, так и для соседей, которые продолжают их называть традиционно принятыми именами начала 20-го века (грузины – татарами, армяне – турками, жители юга Дагестана – падарами и т.д.). См.: *Харатян Грануш.* Рец. на книгу: *Кэролайн Кокс, Джон Айбнер.* Этническая чистка продолжается: Война в Нагорном Карабахе // «Вестник Общественных наук НАН РА», Ереван, 1998, № 1. С. 222.

¹⁸⁴ *Гасанли Джамиль.* Присоединение Карабахского ханства к Российской империи: исторические реалии и мифы // «Regnum», 30.07.2011 (<http://www.regnum.ru/news/1430647.html>). Критику ложных тезисов Дж. Гасанли см.: *Александров Михаил.* Новая историческая доктрина Азербайджана – угроза существованию армянской нации // «Ноев Ковчег», 2011, сент, № 17 (<http://noev-kovcheg.ru/mag/2011-17/2783.html>).

¹⁸⁵ Об этом подробнее см.: *Магальян Артак.* Арцахские меликства и меликские дома в XVII-XIX вв. – Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 2007 (на арм. яз.); см. также: *Магальян Артак.* Кончина азербайджанской историографии началась с выявления «поздних албанцев» // «Regnum», 26.12.2011 (<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/polit/1483687.html>).

¹⁸⁶ В этом контексте остается непонятной позиция редакторской коллегии информационного агентства «Регнум», которая с недавних пор, под предлогом формирования «научного» дискурса, охотно публикует статьи некоторых азербайджанских авторов, изобилующие антинаучными утверждениями и непроверенными данными.

¹⁸⁷ Вступительная речь Ильхама Алиева на собрании Национальной Академии Наук Азербайджана, 26.04.2011 (<http://ru.president.az/articles/2041>).

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ *Румянцев Сергей.* Советская национальная политика в Закавказье: конструирование национальных границ, историй и культур // «Неприкосновенный запас», 2011, № 4 (78) (<http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/ru6.html>).

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ *Айвазян А.* Освещение истории Армении в американской историогра-

фии... С. 19–114 (на арм. яз.).

¹⁹² *Айвазян Армен*. Основы армянской идентичности: армия, язык, государство. – Ереван, 2007. С. 55–57 (на арм. яз.).

¹⁹³ *Исмаилов Эльдар*. Очерки по истории Азербайджана. С. 110–111.

¹⁹⁴ Там же. С. 6.

¹⁹⁵ Там же. С. 78.

¹⁹⁶ *Алекперли Фарид*. Парадигмы азербайджанского национального сознания, 11.07.2011 (http://kultura.az/articles.php?item_id=20110711041246878&sec_id=10).

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ См.: История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века... С. 273; ср.: *Minorsky Vladimir*. Tadhkirat al-muluk. – London, 1943. Pp. 16–18, 188.

²⁰¹ *Hunter Shireen*. The Transcaucasus in Transition: Nation-Building and Conflict. – Washington (D.C.): The Center for Strategic and International Studies, 1994. P. 62.

²⁰² *Харатян Грануш*. Рец. к книге: *Кэролайн Кокс, Джон Айбнер*. Этническая чистка продолжается: Война в Нагорном Карабахе // «Вестник Общественных наук НАН РА», Ер., 1998, № 1. С. 222 (на арм. яз.).

²⁰³ *Аллахверди Фируддин*. Современные и перспективные // «Бакинские ведомости», 2006, 26 авг. (<http://southcaucasus.com/index.php?page=publications&id=657>).

²⁰⁴ *Бекташи Фикрин*. Откуда взялись армяне в списке коренных народов Азербайджана? // «Regnum», 16.08.2011 (<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1435607.html>).

²⁰⁵ *Бекташи Фикрин*. Гайк Котанджян как олицетворение плачевного состояния армянской исторической методологии // «Regnum», 13.08.2011 (<http://regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1435045.html>).

²⁰⁶ Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю, LXV. Бакинская губерния... С. 87.

²⁰⁷ *Асатрян Гарник*. Указ. соч.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ *Этническая территория* – место формирования данного этноса, зона обитания его основной части. См.: *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. – М., 1999.

Библиография

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Источники

- Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи накануне всеобщей переписи. – СПб.: Изд. Канцелярии комитета министров, 1895.
- Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сб. документов, т. II, ч. I / Под ред. Ашота Иоаннисяна. – Ер., 1964; т. II, ч. II. – Ер., 1967.
- Большая Советская Энциклопедия. Т. 1. – М., 1929.
- Государственная Дума, III созыв, сессия 2-я, заседание 46-е, 4-е февраля, 1909 г., стенографические отчеты. – СПб., 1909.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд. Т. 2. – М., 1970.
- Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е. М. Жукова. – М.: «Советская энциклопедия», 1973–1982.
- Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю, LXV. Бакинская губерния, по сведениям 1859 по 1864 год Кавказским статистическим комитетом при главном управлении Наместника Кавказского / Сост. Н. Зейдлиц. – Тифлис, 1870.

II. Литература

На армянском языке

- А-До (Оганес Тер-Мартirosян)*. Армяно-турецкие столкновения на Кавказе в 1905–1906 гг. в фактологических, статистических, топонимических иллюстрациях. – Ер., 1907.
- Айвазян Армен*. Освещение истории Армении в американской историографии (критический обзор). – Ер., 1998.
- Айвазян Армен*. Основы армянской идентичности: армия, язык, государство. – Ер., 2007.
- Ананун Давид*. Общественное развитие русских армян (1901–1918). Т. 3. – Венеция, 1926.
- Голханданян Абраам*. Армяно-татарские столкновения. – Париж, 1933.
- Магальян Артак*. Арцахские меликства и меликские дома в XVII–XIX вв. – Ер.: изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007.
- Степанян Геворг*. История армян города Баку: историко-демографическое исследование. – Ер., 2011.

На русском языке

- Акопян Алексан.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. – Ер.: Изд. АН Армянской ССР, 1987.
- Алекперов А.К.* Исследование по археологии и этнографии Азербайджана. – Баку, 1960.
- Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан: Военно-географический очерк. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890.
- Балаев Айдын.* Азербайджанские тюрки: процессы формирования нации и национальной идентичности на рубеже XIX–XX вв. – Баку, 2010.
- Балаев Айдын.* Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX–XX вв. – Баку, 2005.
- Бартольд Василий.* Работы по исторической географии. Из серии «Классики отечественного востоковедения». – М., 2002 (<http://runivers.ru/bookreader/book10411/#page/566/mode/1up>)
- Бромлей Ю.* Очерки теории этноса / Послел. Н.Я.Бромлей. Изд. 2-е доп. – М., 2008.
- Броневский Семен.* Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ. Ч. 1, 2. – М., 1823.
- Гаджиева Сакинат.* Дагестанские терекеменцы, XIX – начало XX в. – М., 1990.
- Гасанли Джамиль.* СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). – М., 2006.
- Гильденштедт Иоганн Антон.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб., 2002.
- Гулиев Н.А.* История Азербайджана, уч. для 7–8 классов. – Баку, 1983.
- Дубровин Николай.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 2. – СПб., 1871.
- Дьяконов И.* Книга воспоминаний. – СПб.: «Европейский дом», 1995.
- Зареван (Завен Налбандян).* Турция и Пантуранизм. – Париж, 1930.
- Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. – М., 1952.
- Исмаилов Эльдар.* Очерки по истории Азербайджана. – М., 2010.
- История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Струве В.В., Орбели И.А., Петрушевского И.П. – Л., 1958.
- Кара-Мурза Сергей.* Демонтаж народа. – М., 2007.
- Лишин Николай.* На Каспийском море: Год Белой борьбы. – Прага: Издание «Морского журнала», 1938.
- Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С.* Отечество. Учебник для 5 класса. – Баку: «Тахсил», 2003.
- М-ко Н.Н.* Грузино-армянские претензии и Закавказская революция. – Киев: типография С.В.Кульженко, 1906.
- Мкртчян Шаген.* Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. – Ер., 1989.

- Народы Кавказа. Т. II. // Народы мира: этнографические очерки / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР С.П.Толстова. – М.: Изд-во АН СССР, Институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, 1962.
- Ордубади Мамед Саид.* Кровавые годы. – Баку, 1991 (на азерб. яз).
- Ордубади Мамед Саид.* Кровавые годы: История армяно-мусульманской войны на Кавказе в 1905–1906 годах. – СПб., 2011.
- Скворцов Николай.* Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1997.
- Словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. XXXIV. – СПб., 1902 (<http://runivers.ru/bookreader/book10198/#page/356/mode/1up>).
- Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. – М., 1934.
- Старосельский В.А.* Кавказская драма. – СПб.: «Амиранъ», 1906.
- Тавадов Г.* Этнология: учебник для вузов. – М.: «Проект», 2002.
- Цуциев Артур.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: «Европа», 2006.
- Шнирельман Виктор.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: «Академкнига», 2003.
- Юнусов Ариф.* Ислам в Азербайджане. – Баку, 2004.
- Юнусов Ариф.* Месхетинские турки: дважды депортированный народ. – Баку, 2000.
- Яковлев Н.* Языки и народы Кавказа: краткий обзор и классификация. – Тифлис, 1930.
- Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. – М., 1999.

На английском языке

- Bakikhanov Abbas-Kuli-aga* (author), *Floor Willem* (translator), *Javadi Hasan* (translator). The heavenly rose-garden: a history of Shirvan and Daghestan. – Washington (DC): «Mage Publishers», 2009.
- Aivazian Armen.* The Armenian Rebellion of the 1720^s and the Threat of Genocidal Reprisal. – Yerevan, 1997.
- Alistadt Audrey.* The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. – Stanford (Calif.): Hoover Institution Press, Stanford Univ., 1992.
- Anderson Benedict.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London, 1983.
- Barth Fredrik* (ed). Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. – Oslo, 1969.
- Doozadeh Ali.* Politicization of the background of Nizami Ganjavi: Attempted de-Iranization of a historical Iranian figure by the USSR // <http://www.kavehfarrok.com/wp-content/uploads/2009/08/nizamipoliticizationussr4.pdf>
- Gluckman Max.* Custom and Conflict in Africa. – Oxford: Blackwell, 1955.
- Gluckman Max.* Order and Rebellion in Tribal Africa. – London, 1963.
- Hogarth David George.* The Near East. – London, 1902.
- Hunter Shireen.* The Transcaucasus in Transition: Nation – building and conflict. –

- Washington (DC): The Center for Strategic and International Studies, 1994.
- Karpat Kemal*. The politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. – N. Y.: Oxford University Press, 2001.
- Kohn Hans*. Nationalism in the Soviet Union. – London, 1933.
- Kuper Adam*. Anthropologists and Anthropology: The British School 1922–1972. – London, 1973.
- Van der Leeuw Charles*. Azerbaijan: a quest for identity: a short history. – N. Y., 2000.
- Martin Terry*. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
- Minorsky Vladimir*. Tadhkirat al-muluk. – London, 1943.
- Schmidt Anna*. The Manchester School. – Department of Anthropology, University of Alabama, 2007.
- Shissler Holly*. Between two Empires: Ahmet Agaoglu and the New Turkey. – London–N. Y., 2002.
- Smith Anthony*. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford (UK): «Blackwell Publishing», 1986.
- Smith Anthony*. Ethno-Symbolism and Nationalism: a Cultural Approach. – London and N. Y., 2009.
- Swietochowski Tadeusz and Collins Brian*. Historical Dictionary of Azerbaijan. – USA & London, 1999.
- Villary Luigi*. Fire and sword in the Caucasus. – London, 1906.

III. Статьи

На армянском языке

- Варданян Тамара*. Проявление татарского национализма в Закавказье в начале XX века // «Вестник Ереванского ГУ», 2000, № 3. С. 89–97.
- Варданян Тамара*. Межэтнический конфликт как фактор самоидентификации этноса (на примере армяно-татарских столкновений в 1905–1906 гг.) // «Вестник Общественных наук», НАН РА, Ер., 2003, №1. С. 72–79.
- Харатян Грануш*. Рец. на: *Кэролайн Кокс, Джон Айбнер*. Этническая чистка продолжается: Война в Нагорном Карабахе // «Вестник Общественных наук», НАН РА, Ер., 1988, № 1. С. 221–224.

На русском языке

- Аббасов Ильхам, Румянцев Сергей*. Способы увековечить прошлое: анализ образов «других» в учебниках истории Азербайджана // Современные учебники истории на Южном Кавказе / Под ред. Любоша Веселего. – Прага, 2009. С. 34–55.
- Аветисян Грант*. К вопросу о «Кавказском доме» и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. – М., 1997.

- Агаев Гасан бек*. О независимости Азербайджана // Газ. «Азербайджан», 1919, 28 мая, № 110 (<http://www.ourbaku.com>).
- Алекперли Фарид*. Азербайджанские тюрки: история и современность (Репрессии против тюркизма) // «Зеркало», 15.08.2009 (<http://www.zerkalo.az/2009-08-15/politics/1787p2-tyurki-tyurkizm-ideologiya>).
- Алекперли Фарид*. Еще раз о национальной идее // «Зеркало», 14.08.2009 (<http://www.zerkalo.az/2009-08-08/politics/1630-read>).
- Алекперли Фарид*. Парадигмы азербайджанского национального сознания // «kultura.az», 11.07.2011 (http://kultura.az/articles.php?item_id=2011071041246878&sec_id=10).
- Александров Михаил*. Новая историческая доктрина Азербайджана – угроза существованию армянской нации // «Ноев Ковчег», 2011, №17 (<http://poev-kovcheg.ru/mag/2011-17/2783.html>).
- Аллахверди Фируддин*. Современные и перспективные // «Бакинские ведомости», 26.08.2006 (<http://southcaucasus.com/index.php?page=publications&id=657>).
- Арутюнян Бабкен*. Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. – Изд-во Ереванского ГУ, 1991. С. 353–382.
- Асатрян Гарник*. Азербайджанская национальная идея: отведено ли в ней место для нацменьшинств? // «Regnum», 23.11.2011 (<http://regnum.ru/news/1470705.html>).
- Аух Ева-Мария*. Между приспособлением и самоутверждением: ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на юго-восточном Кавказе (1875–1905) // Азербайджан и Россия: общества и государства. Вып. 4 / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. – М., 2001. С. 50–87.
- Агаев Ахмед бек*. Тюркь-алеми (Тюркский мир). Пантюркизм в России // «Мир Ислама», изд. имп. общ. Востоковедения, т. 2, вып. 1. – СПб., 1913.
- Бекташи Фикрин*. Откуда взялись армяне в списке коренных народов Азербайджана? // «Regnum», 16.08.2011 (<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1435607.html>).
- Бекташи Фикрин*. Гайк Котанджян как олицетворение плачевного состояния армянской исторической методологии // «Regnum», 13.08.2011 (<http://regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1435045.html>).
- Вести из Тегерана // «Русское слово», М., 1908. 9 (22) окт.
- Велидов Дж*. Нашъ народъ и наше племя // «Шура», Оренбург, 1912, № 1.
- Ганалаян А., Хачикян Л., Тер-Гевондян А*. Об очередных «размышлениях» З.Бунятова // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций... С. 311–320.
- Гасанли Джамиль*. Присоединение Карабахского ханства к Российской империи: исторические реалии и мифы // «Regnum», 30.7.2011 (<http://www.regnum.ru/news/1430647.html>).

Гумбатов Эльчин. Лингвистическая идентификация азербайджанского языка // История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде (статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Грузии и Армении). – Ер., 2010. С. 169–179.

Исмаилов Эльдар. Возвысивший исламский мир // «Бакинский рабочий», 2010, 2 март (<http://www.anl.az/down/meqale/bakrabochiy/2010/mart/110921.htm>).

Исхаков С.М. Мусульманская психология и европейская политика (первая четверть XX века) // Революция и человек. – М., 1996.

Первые мусульманские газеты на Кавказе // «Мир Ислама», изд. императорского общества Востоковедения, т. 2, вып. 12. – СПб., 1913.

Магалар Артак. «Кончина азербайджанской историографии началась с выявления «поздних албанцев» // «Regnum», 26.12.2011 (<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/polit/1483687.html>).

Мамедов Алиага. «Некоторые аспекты современной этнической ситуации в Азербайджане» // «Центральная Азия и Кавказ», 1999, № 5 (6). С. 55–56.

Мелик-Оганджян К.А. Историко-литературная концепция З.Бунятова: еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора «Судебника» // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций... С. 178–194.

Мелик-Бахиян Степан. Об одном «разъяснении» З.Бунятова // Там же. С. 208–213.

Мкртчян Шаген. Когда и зачем Азох был переименован в «Азык» // «Азат Арцах», 21.11.2003.

Мнацаканян А.Ш., Севак П.С. По поводу книги З.Бунятова «Азербайджан в VII–IX вв.» // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций... С. 296–310.

Персианин из Грузии: О деятельности профессора Мирза Джафара Топчибашева в Петербургском университете // «Каспий», 26.02.2011 (http://www.kaspiy.az/articles.php?item_id=20110226072628644&sec_id=31).

Пивазян Эм.А. Еще раз о Мхитаре Гоше // Там же. С. 196–207.

Румянцев Сергей. Нефть и Овцы: Из истории трансформаций города Баку из столицы в столицу / P.S. Ландшафты: Оптики городских исследований. – Вильнюс: Европейский гуманитарный ун-т, 2008.

Румянцев Сергей. Советская национальная политика в Закавказье: конструирование национальных границ, историй и культур // «Неприкосновенный запас», 2011, № 4 (78).

Свентоховский Тадеуш. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства / Отв. ред. и сост. Д.Е.Фурман. – М., 2001. С. 11–49.

Смит Майкл. Память об утратах и азербайджанское общество // Там же. С. 88–117.

Тесля А. Идентифицировать и управлять. Рец. на: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР. 1860–1940 / Пер. с фр. Э.Кустовой). – М.: «Новое литературное обозрение», 2010 (<http://russ.ru/Kniga-nedeli/Identificirovat-i-upravlyat>).

Увидел свет двухтомник произведений Али бека Гусейнзаде (http://www.kaspiy.az/articles.php?item_id=20090228032051179&sec_id=36)

Шахтастинский Мухаммед Ага. Как называть закавказских мусульман? // «Каспий» (Баку), 1891, № 93, 1 мая (<http://www.ourbaku.com>).

Юнусов Ариф. Мифы и образы «врага» в исторической науке и учебниках по истории независимого Азербайджана (I) (<http://www.kavkazoved.info/news/2011/10/11/mify-i-obrazy-vraga-v-istoricheskoy-nauke-azerbajdzhana-i.html>).

Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М., 1994.

На английском языке

Astourian Stephan. In search of their Forefathers: National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani ethnogeneses // Nationalism and History: The Politics of Nation-building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia. – University of Toronto, 1994.

Balci Bayram. Between Sunnism and Shiism: Islam in post-Soviet Azerbaijan // «Central Asian Survey», June 2004, № 23 (2). Pp. 205–217.

Bennigsen Alexandre. Islamic or Local Consciousness among Soviet Nationalities? // Soviet Nationality Problems / Ed. by Edward Alworth. – N.Y.: Columbia University Press, 1971.

Frankenberg Ronald. What Manchester does Today?: Max Gluckman and the Social Anthropology of the Practical World // RAIN, № 45 (August, 1981). P. 6–8 (<http://www.jstor.org/pss/3031791/>)

Guseynova Sevil. Presentation of Islam in Secondary Secular Schools in Contemporary Azerbaijan // «Internationale Schulbuchforschung/International Textbook research», Germany, Vol. 30, 2008.

Hunter Shireen. The Muslim Republics of the Former Soviet Union: Policy Challenges for the United States // «The Washington Quarterly». Summer, 1992.

Moerman Michael. Ethnic Identity in a Complex Civilization: Who Are the Lue? // «American Anthropologist». New Series, 1965. Vol. 67, № 5, October.

Sargent Leslie. The «Armeno-Tatar war» in the South Caucasus, 1905–1906: Multiple causes, Interpreted Meanings // «Ab Imperio», 2010, № 4.

Tokluoglu Ceylan. Definitions of National Identity, nationalism and ethnicity in Post-Soviet Azerbaijan in the 1990-s // «Ethnic and Racial Studies», 2005, Vol. 28, № 4 July. P. 722–758.

Тамара Варданян

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ:

история одного незавершенного этнопроекта

*Историко-этнологический
очерк*

Об авторе: *Варданян Тамара Размиковна* – кандидат исторических наук, лектор кафедры теории и истории политической науки Ереванского Государственного университета, председатель центра региональных и политических исследований «Прспектус», эксперт научно-образовательного фонда «Нораванк» (г. Ереван, Республика Армения)

ISBN 978-5093165-309-9

9 785931 653099

Утверждено к печати: президент НП ИД «Русская панорама» Ю.В.Яшнев.
Редактор И.А.Настенко; корректор О.Е.Пугачева. Макет ООО «СПСЛ»

НП ИД «Русская панорама»: 109028, Москва, Серебряническая наб., 27.
Тел.: (495) 917 5983, 917 7094. E-mail: in@rus-pan.ru; web: www.rus-pan.ru

Подп. к печати 28.04.2012. Формат 60x90/16. Печать офс. 5,5 п/л. Бумага офс. Тир. 1000 экз. Зак. 6089. Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии филиала ОАО «Татмедиа» «ПИК «Идел Пресс». 420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2